

A. Разумовский.

„КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА“

графа Л. Н. Толстого

И ЕЯ ВЫВОДЫ.

МОСКВА.

Типо-литографія Высоч. утверждеп. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собств. домъ.

1892.

A. Разумовскій.

„КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА“

графа Л. Н. Толстого

И ЕЯ ВЫВОДЫ.

МОСКВА.

Типо-литографія Высоч. утвержден. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко,
Пименовская улица, собств. домъ.

1892.

ВВЕДЕНИЕ.

Поздышевъ, рассказчикъ повѣсти, передаетъ намъ грустную исторію своей жизни, или, какъ онъ выражается, исторію жизни по крайней мѣрѣ 0,9 нашего интеллигентнаго высшаго общества. Передъ нами раскрывается картина его развратной жизни до женитьбы, исторія его женитьбы на невинной дѣвушкѣ и полной неурядицѣ и раздора брачной жизни, окончившейся страшною семейною драмой—убийствомъ жены изъ ревности.

Разсказъ не лишенъ художественности. Такъ, прекрасно изображено состояніе духа героя, предшествовавшее катастрофѣ; нельзя не замѣтить въ этомъ мѣстѣ разсказа глубокаго, вѣрнаго анализа и послѣдовательности въ изображеніи теченія мысли и чувства и ихъ переходовъ; читатель невольно поддается обаянію разсказа, рассказчикъ ведетъ его за собою, заставляетъ углубиться въ свою душу, заставляетъ проникаться ея мученіями. Полна глубокаго трагизма также заключительная сцена убийства.

Но въ общемъ пластическая сила, которую мы находили въ прежнихъ беллетристическихъ произведеніяхъ Льва Толстого, проявляется въ его „Крейцеровой сонатѣ“ исключительно. Кромѣ двухъ указанныхъ мѣстъ, разсказъ не даетъ намъ пищи для удовлетворенія нашихъ эстетическихъ потребностей. Въ значительной части разсказа, особенно въ первой его половинѣ, мы слышимъ внушительный, но холодный голосъ проповѣдника, внимаемъ излюбленнымъ идеямъ нашего

писателя, его афористическимъ истинамъ. Разсказчикъ, не-посредственно передающій намъ свои философскіе выводы о жизни интеллигентнаго круга, не останавливается на нихъ и сыплетъ ими безъ пощады. Лишенные изображенія и объективной формы, они только поражаютъ нашъ умъ своею оригинальностью, но въ сердце не проникаютъ и не овладѣваютъ имъ. Самыя сравненія, къ которымъ нерѣдко прибѣгаетъ рассказчикъ, непріятно изумляютъ насъ своею бѣдностью и некартиности. Впечатлѣніе отъ разсказа получается тяжелое, странное, неопределенное, — вѣроятно, вслѣдствие того, что остается неяснымъ, несознаннымъ и непонятнымъ основной тезисъ разсказа, и потому, что рассказчикъ ведетъ себя неспокойно, говорить рѣзко, безвязно и злобно. Онъ не хочетъ ограничиться изображеніемъ одной картины нашей семейной жизни и ея безобразій, а беретъ въ руки ножъ анатома и старается проникнуть въ самую интимную глубину ея. „Вы дѣйствуете, — говоритъ по этому поводу Богюэ, — подобно натуралисту, который бы видѣлъ во всемъ человѣчествѣ собраніе скелетовъ за витриной музея и который убѣжденымъ тономъ сказалъ бы намъ: „вотъ люди со всѣмъ, что нужно знать о нихъ, со всѣмъ, что составляетъ ихъ сущность, ихъ скелетъ, ихъ кости“. Но кости эти жизнь облекла плотью, мускулами, что тоже существенные части человѣка. Вы (Толстой, Спенсеръ, Тэнъ...) не имѣете права ни пренебрегать ими, ни упразднять ихъ. Гр. Толстой ихъ упраздняетъ и вотъ какимъ образомъ, побуждаемый весьма благородною, но весьма опасною заботой все далѣе углубляться въ истину, вотъ какимъ образомъ вашъ великий писатель въ дѣйствительности оканчиваетъ съживаніемъ истины. Всѣ эти проницательные умы анализируютъ жизнь со строгостью и тонкостью невѣдомою нашимъ предшественникамъ. Послѣ анализа они признаютъ ее злую; тогда они отвращаются отъ жизни со страхомъ и омерзѣніемъ“. (см. статью Богюэ „По поводу Крейцеровой сонаты“ въ 12 кн. *Русской Обозрѣнія* за 1890 г.).

Благодаря популярности, какою пользуется имя нашего гениального писателя, его „Крейцерова соната“ быстро распространилась по всему просвещенному миру и всюду начала производить различного рода брожение. Особенныя дѣйствія „соната“ имѣла въ кружкахъ молодежи. „Одни, — говоритъ Преображенскій, — въ развратномъ герой разсказа увидали свою фотографію и общностью наденія вздумали оправдать себя; для другихъ разсказъ явился предостереженіемъ, побужденіемъ обратиться внутрь себя и, на время удалившись отъ лихорадочно-нервной погони за мелочными и эгоистическими интересами, оглянуться вокругъ себя и взглянуть на свою жизнь съ трезвой нравственной точки зрѣнія; третыи не повѣрили автору и, обвинивъ его въ преувеличеніяхъ, продолжаютъ почиивать въ блаженномъ невѣдѣніи относительно истинной сущности христіанского брака; — для четвертыхъ, наконецъ, „Крейцерова соната“ сослужила неожиданно для себя полезную службу, укрѣпивъ ихъ въ ихъ христіанскихъ вѣрованіяхъ“. (стр. 7—8 въ брош. Преображенскаго „Христіанскій бракъ“). Если согласиться съ подобнымъ дѣйствіемъ „Крейцеровой сонаты“ на общество, то дѣйствіе ея, оказывается, далеко не незначительно. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ вліяніе ея таково, что заставляетъ человѣка вдуматься, оглянуться на себя, посмотретьъ съ птичьяго полета на свою собственную жизнь. Чего еще больше можно требовать отъ литературнаго произведенія?

Но нельзя не замѣтить въ обществѣ странной двойственности въ пониманіи послѣдняго беллетристического произведения гр. Толстого. Мы слышали и слышимъ по поводу „Крейцеровой сонаты“ самые противоположные выводы, самыя разнорѣчивыя разсужденія. Что, собственно, хотѣлъ сказать и сказалъ своею „сонатой“ гр. Толстой, осталось невыясненнымъ для его многочисленныхъ читателей и послѣдователей до тѣхъ поръ, пока не явилось къ ней „Послѣсловія“. Но не многіе удовлетворились и „Послѣсловіемъ“, потому что не

ожидали встрѣтить въ немъ того, что сказалъ авторъ. Противъ *пяти пунктов*, которые выставилъ гр. Толстой на первыхъ страницахъ „Послѣсловія“ возраженій особенныхъ не послѣдовало, потому въ нихъ высказалъ графъ то, что и всѣ считаютъ дѣйствительно „некоропшимъ“. Но противъ самаго основанія сужденія, предложенаго графомъ въ концѣ „Послѣсловія“, посыпались возраженія. Новое ученіе, несогласное въ принципѣ своемъ ни со строемъ нашей жизни, ни съ духомъ нашей религіи, привело всѣхъ въ раздумье.

Это обстоятельство побудило нась посвятить досугъ свой уясненію истиннаго смысла ученія, проповѣдываемаго нашимъ отечественнымъ писателемъ лично и при посредствѣ рассказчика повѣсти — Поздняшева. Съ предложенаго нами содержанія разсказа, которое мы старались изложить по возможности кратко, но не удаляясь отъ сути, и при помощи ученія христіянской религіи мы прямымъ и непосредственнымъ путемъ пришли къ выводамъ діаметрально противоположнымъ въ своихъ *существенныхъ* частихъ тѣмъ выводамъ, которые нашли въ „Послѣсловії“. Судить, кто правъ, конечно, предоставляемъ читателю, но смыемъ думать, что правда на нашей сторонѣ, потому что за нась говорятъ евангельскія истины, голосъ общечеловѣческаго чувства, совѣсть каждого.

I.

Герой „Крейцеровой сонаты“ начинаетъ разскажъ о своей горемычной жизни характеристикою своей личности въ юношеские годы, причемъ нѣсколькими штрихами рисуетъ намъ ту среду, которая его окружала и которая, какъ говорится, его заѣла. Исторія эта обыкновенная, но неприглядная. Будучи пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ уже вкусили отъ „древа познанія добра и зла“, уже вступилъ на дорогу разврата. Всѣ, начиная съ докторовъ и кончая братомъ (а можетъ-быть и родителями), твердили ему, что внѣбрачное физическое общеніе съ женщиной не разврать, а дѣло самое обыкновенное и естественное. Всюду говорилось одно и то же, и мальчика никто не удерживалъ, никто не указывалъ ему другой, настоящей дороги, не убѣждалъ, что дѣлать того, что считалось въ его обществѣ пріятнымъ и полезнымъ, не должно, что развратничать значитъ прививать привычку къ многоженству и еще важнѣе — терять чистое отношеніе къ женщинѣ вообще. Не встрѣчая ни съ которой стороны запрещенія, мальчикъ добровольно погружается въ разврать, уединенія его дѣлаются нечистыми, и женщина своею наготою, своей талией, ножкой, плечами, всѣмъ тѣломъ своимъ смущаетъ его. У него, однимъ словомъ, начались тѣ страшныя мученія, которыхъ обусловливаютъ у насъ онанистовъ, эпилептиковъ, вообще физически, умственно, нравственно растлѣнныхъ людей. Дома терпимости съ опасностью венерическихъ болѣзней сдѣлались для него своего рода „клубомъ“. Онъ сталъ блудникомъ. А физическое состояніе блудника подобно состоянію морфииниста, пьяницы, курильщика. „Какъ морфиинистъ, пьяница, курильщикъ — уже не нормальный человѣкъ, такъ и человѣкъ, познавшій нѣ-

сколько женщинъ для своего удовольствія — уже не нормальный, а испорченный навсегда человѣкъ-блудникъ“.

Такъ шли годы. Изъ мальчика выработался юноша и, наконецъ, мужчина, имѣющій на совѣсти сооей сотни плотскихъ грѣховъ, но безъ всякаго духовнаго содержанія и развитія, безъ определенныхъ убѣжденій и идей. Тѣмъ не менѣе все это не мѣшало ему мечтать о бракѣ какъ о чѣмъ-то возвышенномъ, чистомъ, заманчивомъ. Онъ отправляется на поиски за чистой, невинной дѣвушкой. Трудно найти себѣ товарища по жизненному пути. Но кому трудно, а Позднышеву легко. Его требованія не велики: ему надо было красивое и здоровое тѣло, онъ искалъ дѣвушку, которая могла бы удовлетворять влечению похоти.

Молодые люди Позднышевскаго круга ведутъ праздную жизнь и пожираютъ много жирной пищи. Естественно разыгрывается похоть и необходимо систематическое, регулярное удовлетвореніе чувственныхъ потребностей. Если есть удовлетвореніе, то все идетъ благополучно, „спасительный клапанъ“ открытъ. Но прикройте клапанъ, и тотчасъ же получится возбужденіе, которое, проходя черезъ призму искусственной жизни интеллигенціи, выразится влюбленіемъ самой чистой воды, иногда даже платоническимъ. И вотъ онъ прикрылъ клапанъ и влюбился. Катаясь однажды на лодкѣ съ одной дѣвицей и любуясь ея талией и плечами, обтянутыми джерси, Позднышевъ *одругъ* рѣшилъ, что это она. Мотивомъ къ рѣшенію служило только то обстоятельство, что „послѣ проведенного въ близости съ нею дня захотѣлось еще большей близости“. Безъ сомнѣнія, рѣшеніе возникло иѣсколько странно и *неестественно*.

Предложеніе Позднышева приняли. Находясь уже въ качествѣ жениха, Позднышевъ надумалъ показать своей невѣстѣ «дневникъ», изъ котораго она могла бы узнать, между прочимъ, про его послѣднюю связь. Сдѣлать это было необходимо, потому что такъ или иначе она бы узнала про эту связь. Бѣдная дѣвушка, отъ которой, какъ и отъ всѣхъ ихъ, тщательно скрывали темныя стороны жизни молодыхъ людей — «о посвѣщеніи домовъ, о горничныхъ, кухаркахъ, чужихъ женахъ», — ужаснулась, растерялась, пришла въ отчаяніе и чуть не бросила Позднышева. Въ этомъ мы усматриваемъ то, что герой нашелъ себѣ невѣсту

действительно чистую, невинную, хорошую,— следовательно, далеко не „по себе“.

Время „жениховства“ тянулось очень скучно. Ни любви настоящей, ни уважения, никаких интересовъ, ничего общаго... Какие же тут разговоры? Да, впрочемъ, и зачемъ Поздышеву разговоры? Ему ничего такого не надо: вѣдь онъ искалъ въ своей невѣстѣ только *тѣло*, ему нужны тѣ удовольствія большей близости, жажда которыхъ побудила его сдѣлать предложеніе. Но, къ его досадѣ, то, чего ему надо было, обставлено было всякою рода формальностями и приготовленіями. За этими приготовленіями и свадьба была отложена. И вотъ ему стало скучно. Скука эта похожа на ту, которая охватываетъ насъ, когда мы собираемся куда-нибудь на вечеръ или на балъ, гдѣ нась ждутъ удовольствія и всякия радости жизни. Бѣхать еще рано, а мы уже готовы. И вотъ скучно намъ и дѣлать ничего не хочется. Въ эти долгіе, скучные дни и вечера онъ думалъ только о томъ, что онъ—совершенство: „вѣдь нѣть того негодяя, который, поискавъ, не нашелъ бы негодяевъ въ какомъ-нибудь отношеніи хуже себя и который, поэтому, не могъ бы найти повода гордиться и быть довольнымъ собою“,—думалъ о томъ, что онъ—нравственный человѣкъ, впервыхъ, потому, что давалъ себѣ обѣщаніе—а остальные не давали—живть съ одной женой, не измѣнять ей; вовторыхъ, потому, что женился не съ расчетомъ, не на деньгахъ, не изъ-за связей, а *по любви*. Думалъ, значитъ, еще и о томъ, что ее любить и что она также—совершенство. Въ послѣднемъ онъ не ошибся, потому что невѣста его въ сравненіи съ нимъ была действительно совершенствомъ. О томъ же, что надо будетъ дѣлать кромѣ удовлетворенія чувственности и что они будутъ дѣлать, онъ не размыслилъ и, вообще, ничего такого въ кругѣ его думъ не входило. Онъ видѣлъ, что въ его обществѣ молодые люди въ 30 лѣтъ женятся, что это принято, и зналъ, что надо дѣлать такъ, какъ всѣ дѣлаютъ.

Но вотъ пасталь и медовой мѣсяцъ. Само собою разумѣется, тѣ ложныя начала, которыя воспитались въ этомъ *прекрасномъ* молодомъ человѣкѣ предыдущею холостою жизнью, должны были заявить себя и въ брачной жизни. Не задавалось никогда вопросами о сущности жизни, не анализируя ея, а только обезьяниствуя

форму жизни съ окружающихъ людей, только, подобно комильфотнымъ друзьямъ своимъ, безпрекословно вѣря въ то, что жизнь намъ дана для жизни, что все въ жизни сводится къ удовольствіямъ. Позднышевъ составилъ незамысловатый, простенький планъ для своей жизни: жить *лeгko, прiятно*, позволяя себѣ незначительная, но, такъ сказать, постоянная удовольствія,—и *прилично*, добавимъ любимымъ словечкомъ покойнаго Ивана Ильича. Женитьба при такомъ міросозерцаніи должна была освятить тотъ кругъ пріятностей и удовольствій, который въ холостой жизни не то, чтобы считался неприличнымъ, а просто нѣсколько опаснымъ для здоровья и ограниченнымъ. Съ женитьбой жизнь подъ его узкимъ, дальше носа не распосталяющимся угломъ зрѣнія, рисовалась ему безконечными рядомъ удовольствій: женитьба открывала ему „спасительный клапанъ“ на неограниченное время.

Но, къ великому удивленію Позднышева, брачная жизнь представила ему вмѣстѣ съ удовольствіями еще много непріятностей и трудностей, встрѣтить которыхъ онъ уже никакъ не ожидалъ. Сначала пошли пока еще непріятности. Этими непріятностями были скоры, которыхъ возникли между супругами съ первыхъ же дней ихъ брачной жизни и которыхъ слѣдовали тотчасъ же за прекращенiemъ половыхъ сношеній. Кроме физической жизни и физическихъ общеній предполагается еще жизнь духовная, духовная общенія, бесѣды, заботы о развитіи и доставленіи другъ другу вообще болѣе высшихъ пріятностей. Но на доставленіе подругѣ жизни своей духовной пищи у Позднышева средствъ не достало: они истощились, вѣроятно, тогда, когда исчезло увлеченіе. Осталась только вспышки животной чувственности... А любовь *такая*, подобно музыкѣ, доставляетъ человѣку удовольствіе, услаждаетъ его только тогда, когда есть удовлетвореніе. Проиграна арія, работа воображенія прекращается, разсудокъ вступаетъ въ свои права. Съ прекращенiemъ физическихъ общеній требуетъ себѣ пищи душа. Необходимо увлечься какимъ-нибудь трудомъ, работой. Но у Позднышевыхъ, за прекращенiemъ чувственности, удовлетворенія проснувшемуся духу не давалось, такъ какъ никакой работы не существовало—ни физической, ни умственной, и ничто уже ихъ не связывало. И вотъ за прекращенiemъ чувственности наступало время безцѣльности, неудовлетворенности,

пустоты. Но похоть скоро опять разыгрывалась, животные инстинкты пробуждались, являлась цѣль, требовалось удовлетвореніе; и скоро цѣль снова достигалась и требование удовлетворялось. Оно несомнѣнно, пожалуй, что и всюду брачнаѧ жизнь періодируется, т.-е. за любовными влечениями слѣдуетъ временное прекращеніе ихъ. Но есть тутъ разница: въ разумныхъ, истинно-христіанскихъ бракахъ періодъ возрожденія духа болѣе продолжителенъ и всегда имѣеть удовлетвореніе, а во всѣхъ Позднышевскихъ, т.-е. мнимо-христіанскихъ, бракахъ большую продолжительность имѣеть періодъ „влюблennости“; когда же похоть истощается и настаетъ другая жизнь, удовлетворенія дать у нихъ, Позднышевыхъ, нѣтъ ни возможности, ни силъ. Потому и является озлобленіе. Все это весьма просто; но если дѣйствительно все это существуетъ въ супружествахъ друзей Позднышева, то это „ужасно, ужасно, ужасно“. За первую ссору послѣдовала вторая, за вторую—третья и т. д. Брачнаѧ жизнь оказалась не счастьемъ, а мученiemъ. Не будучи въ состояніи объяснить себѣ причины всѣхъ этихъ ссоръ и неурядицъ, Позднышевъ, подобно другимъ, скрывалъ ихъ отъ окружающихъ и объяснялъ просто несогласіемъ въ убѣжденіяхъ, различіемъ во вкусахъ, вообще тѣмъ, что принято называть—„не сошлись характеромъ“. Досаднѣе всего было то, что ссоры эти возникали изъ-за пустяковъ, изъ за самыхъ ничтожныхъ причинъ, такъ что скоро „ужъ не разногласіе производило враждебность, но враждебность производила разногласіе“, и „разсудокъ не поспѣвалъ поддѣлать подъ постоянно существующую враждебность другъ къ другу достаточныхъ поводовъ“. Причемъ же тутъ несогласіе въ убѣжденіяхъ?...

Произошла роковая ошибка. Бракъ, оказалось, вовсе *не то*, чѣмъ онъ рисовалъ себѣ его, будучи холостымъ. Предаваясь чувственности внѣ брака, вступая въ незаконныя любовныя связи съ неисчислимымъ числомъ женщинъ, герой никогда не встрѣчался съ такою враждебностью, а видѣлъ только, что *это* пріятно и, главное, естественно. Въ женитьбѣ это же самое оказалось не-пріятнымъ и, главное, неестественнымъ. Брачнаѧ жизнь скоро стала для него чѣмъ-то тяжелымъ, труднымъ, чѣмъ-то подавляющимъ человѣка, связывающимъ его по рукамъ и ногамъ, чѣмъ... словомъ, тѣмъ, надъ чѣмъ надо бы глубоко задуматься. Но

жизнь представляла и безъ того много задачъ, общественныхъ и служебныхъ обязанностей. Позднышевъ служилъ, принималъ гостей, давалъ вечера, самъ выѣзжалъ съ женой, и подумать о жизни было некогда. Деятельность свою герой сосредоточилъ на приличіи и внѣшнемъ благообразіи жизни.

На физическую жизнь жены своей Позднышевъ не обращалъ вниманія рѣшительно никакого и свои постыдныя занятія (а это были дѣйствительно постыдныя занятія) продолжалъ даже и тогда, когда жена носила плодъ и кормила дѣтей. Ихъ было пять. Въ отношеніи дѣтей Позднышевъ также впалъ въ ошибку. Онъ полагалъ, что дѣти только радость, а они оказались тягостью и утѣшенія отъ нихъ не было. Дѣти мученіе и больше ничего. „Спросите у большинства матерей нашего круга, достаточныхъ людей, онѣ вамъ скажутъ, что отъ страха того, что дѣти ихъ могутъ болѣть и умирать, онѣ не хотятъ имѣть дѣтей, не хотятъ кормить, если ужь родили, для того, чтобы не привязаться и не страдать. Онѣ это прямо, смѣло говорятъ, воображая, что эти чувства происходятъ въ нихъ отъ любви къ дѣтямъ, чувства хорошаго и похвального, которымъ онѣ гордятся. Онѣ жертвуютъ не собою для любимаго существа, а имѣющими быть любимымъ существомъ для себя. Ясно, что это не любовь, а эгоизмъ. Но и осудить ихъ, матерей достаточныхъ семей, за этотъ эгоизмъ не поднимается рука, когда вспомнишь все то, что онѣ перемучаются отъ здоровья дѣтей, благодаря опять тѣмъ же докторамъ, въ нашей господской жизни“.

Какъ вспомнить только Позднышевъ жизнь и состояніе жены въ первое время, когда было трое, четверо дѣтей, и она вся была поглощена ими,—ужасъ беретъ его. Жизни у нихъ не было совсѣмъ, а была какая-то вѣчная опасность, какъ на гибнущемъ кораблѣ. Ужь не говоря о болѣзняхъ, какъ лѣчить,—о томъ, какъ воспитывать, ростить, она со всѣхъ сторонъ слышала и читала безконечно разнообразныя и постоянно смѣняющіяся правила. Точно со вчерашняго дня начала рожать дѣтей. Кормить такъ, тѣмъ,—иѣть, не такъ, не тѣмъ, а вотъ этакъ; одѣвать, поить, купать, класть спать, гулять, воздухъ,—на все это Позднышевы, жена преимущественно, узнавали всякую недѣлю новые правила. Это пока здоровье—и то мученіе. Но ужь если заболѣлъ ребе-

нокъ, тогда, конечно, совершенный адъ. Тотчасъ поднимаются крики, на сцену являются клистиры, температура, мицтуры, доктора... „И надо попасть на этого, самаго лучшаго, того, который спасаетъ, и тогда ребенокъ спасенъ; а не захватишь этого доктора или живешь не въ томъ мѣстѣ, гдѣ живеть этотъ докторъ,— и ребенокъ погибъ“.

Заботы о дѣтяхъ, или, собственно, не о дѣтяхъ, а о здоровье дѣтей (тутъ есть нѣкоторое различіе въ понятіяхъ) занимали у жены Позднышева все время. Поводовъ къ ревности не было. Но Позднышевъ ревнивъ страшно. Ему казалось иногда, что это (ея заботы о дѣтяхъ) нарочно дѣлалось, что она прикидывалась беззкоюющеюся о дѣтяхъ для того, чтобы побѣдить его. Такимъ образомъ, дѣти не были утѣхой еще потому, что служили новымъ поводомъ къ раздору, и не только поводомъ, а даже и орудіемъ. Супруги дрались другъ съ другомъ какъ будто дѣтьми, любимцами. Конечно, послѣдніе должны были страшно страдать отъ этого, но Позднышевымъ въ ихъ постоянной войнѣ было не до нихъ.

Долго ли, нѣть ли продолжалась такая жизнь—неизвѣстно. Вѣроятно долго, потому что есоры стали утихать, а душевныя раны искусно излѣчивать можетъ только время. Пошло на мировую... Но вотъ послѣ пятаго ребенка жена героя захворала, и это-то обстоятельство и было виной всего того, что случилось. Явились доктора, запретили ей рожать и научили средству къ уничтоженію плода. Какъ ни отвратительно показалось Позднышеву подобное избавленіе отъ обязанности матери, она смолчаль и на проклятое средство докторовъ посмотрѣла сквозь пальцы. Вѣроятно, впрочемъ, въ то время это не такъ было для него отвратительно, потому что онъ съ еще большею свободою принялся за свои прежнія супружескія обязанности. Станный человѣкъ: для жены избавиться отъ обязанности матери было отвратительно, а для себя погрузиться въ тотъ страшный развратъ, который называется проституціей, не отвратительно, за себя угрызенія совѣсти не являлось. Два года жили въ такомъ развратѣ Позднышевы. Средство докторовъ скоро произвело свое дѣйствіе: „она физически раздобрѣла и похорошѣла, какъ послѣднія красота лѣта. Она чувствовала это и занималась собой. Въ ней

сдѣлалась какая-то вызывающая красота, беспокоющая людей. Она была во всей силѣ 30-лѣтней не рожающей, раскормленной и раздраженной женщины. Видъ ея наводилъ беспокойство. Когда она проходила между мужчинами, она притягивала къ себѣ ихъ взгляды". Ревнивому супругу стало страшно. Онъ увидѣлъ далѣе, что въ жѣнѣ его проснулась потребность любви, но любви новой, чистой: „любовь съ огаженнымъ и ревностью и всякою злостью мужемъ была уже не то". Заботы о дѣтяхъ были уже брошены, потому что за проснувшимся потребностью любви явились заботы о внѣшности своего тѣла, о нарядахъ. Позднышевъ замѣтилъ, что она начала оглядываться, на комъ остановиться, кого полюбить. Вмѣстѣ съ ревностью Позднышевъ начинаетъ испытывать припадки дикой ненависти. Во всѣхъ ея движеніяхъ, поступкахъ онъ видѣтъ пороки, недостатки, желаніе первенствовать, желаніе показать свое отвращеніе къ нему. Ссоры вспыхиваютъ безпрестанно. И вотъ, когда ссоры между супругами стали принимать зловѣщія формы и повторяться чаще и чаще, когда уже было решено, что жить вмѣстѣ они не могутъ, и готовился уже какой-то страшный выходъ,—въ это-то время и явился тотъ ожидаемый человѣкъ, который по мнѣнію ревниваго мужа и долженъ быть быть непремѣнно имъ. Это былъ Трухачевскій, пріѣзжій музыкантъ и фатъ, музыкантъ не профессиональный, а полупрофессиональный, полуобщественный, *dilettantъ*. Такіе люди любятъ музыку, но не потому, почему любятъ ее всѣ поэтическія натуры, а, главнымъ образомъ, только за то, что, благодаря звукамъ, которые они извлекаютъ изъ инструментовъ, они замѣтны въ обществѣ, на нихъ тамъ обращаютъ вниманіе, они нравятся. Одни изъ такихъ личностей дѣйствуютъ физіономіей или изяществомъ манеръ, комильфотностью, которая такъ нравится нашимъ женщинамъ, а другіе—талантами. „Дрянной онъ былъ человѣкъ,—вспоминаетъ разкащикъ,—на мои глаза, на мою оцѣнку. И не потому, какое онъ значеніе получилъ въ моей жизни, а потому, что онъ дѣйствительно былъ такой. Впрочемъ, то, что онъ былъ плохъ, служило только доказательствомъ того, какъ невмѣняема была она. Не онъ, такъ другой, это должно было быть... Разсуждать равнодушно Позднышевъ не могъ, потому что мысль о томъ, что жена его не то, что онъ самъ, что она

все-таки не способна отдатья первому встрѣчному, къ нему въ голову, распаленную воображеніемъ, не приходила. „Мучился я особенно тѣмъ, — говорить Позднышевъ, — что я видѣть несомнѣнно, что ко мнѣ у ней не было другаго чувства, кромѣ постояннаго раздраженія, только изрѣдка прерываемаго привычной чувственностью, а что этотъ человѣкъ и по всей вѣнѣніиѣ элегантности, и по новизнѣ, и главное — по несомнѣнному большому таланту къ музикѣ, по сближенію, возникающему изъ совмѣстной игры, по вліянію, производимому на впечатлительныя натуры музикой, особенно скрипкой, — что этотъ человѣкъ долженъ быть не то что нравиться, а несомнѣнно, безъ малѣйшаго колебанія, долженъ быть побѣдить, смыть, перекрутить ее, свить изъ нея веревку, сдѣлать изъ нея все, что захочетъ. Я этого не могъ не видѣть и я страдалъ ужасно. Но, несмотря на то, или, можетъ-быть, вслѣдствіе этого, какая-то сила противъ моей воли заставляла меня быть особенно не только учитывымъ, но ласковымъ съ нимъ. Для жены ли, для него ли я это дѣлалъ, чтобы показать, что я не боюсь его, для себя ли, чтобы обмануть самого себя, — не знаю, только я не могъ съ первыхъ же сношеній съ нимъ быть простъ. Я долженъ быть для того, чтобы не отдатья желанію сейчасъ же убить его, ласкать его. Я поилъ его за ужиномъ дорогими винами, восхищался его игрой, съ особенной ласковой улыбкой говорилъ съ нимъ и позвалъ его въ слѣдующее воскресенье обѣдать и еще играть съ женой. Я сказалъ, что позову кое-кого изъ моихъ знакомыхъ, любителей музыки, послушать его“. Возможность сближенія между женой и Трухачевскимъ возмущала героя больше всего: „надо сдѣлаться посмѣшищемъ людей, если препятствовать близости на балахъ, близости докторовъ съ своей пациенткой, близости при занятіяхъ искусствомъ, живописью, а главное — музикой“. Ревность возрастала у героя по геометрической прогрессіи. Ревность стала его всегдашимъ настроениемъ. Съ первыхъ посѣщеній музыканта Позднышевъ уже замѣтилъ, что тотъ женѣ его понравился. Опь удвоилъ свое вниманіе, началъ напряженно слѣдить за гостемъ и ловить не только каждое его слово, но и всякое произвольное и непроизвольное движение. Эта лихорадочная наблюдательность не могла скрыться отъ глазъ жены. Она замѣтила, что мужъ наблюдаетъ за ними и ревнуетъ

ее къ Трухачевскому. Послѣдній также слѣпъ не былъ, и потому естественно, что между женой и Трухачевскимъ установились своеобразныя отношенія, „установился какъ бы электрическій токъ“. Эту „одинаковость выраженія взглядовъ и улыбокъ“ почувствовалъ и Поздышевъ. И чѣмъ болѣе онъ это чувствовалъ, тѣмъ сильнѣе ревность жгла ему сердце.

Однимъ вечеромъ, возвращаясь домой съ выставки, ревнивый супругъ къ удивленію своему засталъ у себя Трухачевского. Когда онъ увидалъ въ передней его новую модную шинель, звѣрь ревности тотчасъ же проснулся. Разстроенному воображенію, разыгравшемуся чувству предстала страшная картина, а въ большой головѣ пробѣжала мысль: „очевидно, звуки фортепіано (изъ залы доносились звуки музыки) для того, чтобы заглушить ихъ слова, поцѣлуи... можетъ-быть“. Съ искаженною отъ злобы физіономіей вошелъ онъ въ залу, на сколько могъ любезно поздоровался и замолчалъ, раздумывая о томъ, что между ними уже все обѣдано, конечно, условлено, что онъ опоздалъ. Оплошность жены, когда она, говоря про себя и Трухачевского, употребляла мѣстопримѣніе *мы*, только подлила масла въ огонь. Музикантъ скоро удалился, чувствуя, очевидно, неловкость своего положенія и понимая смыслъ того любезнаго и злого выраженія, которое скроилось на физіономіи героя при входѣ его въ залу. Поздышевъ разразился гнѣвомъ. Бѣдная супруга, которая давно уже оставила всякия думы о счастіи, дѣлаетъ попытку къ миру, старается успокоить его. Но безобразный ревнивецъ понялъ это (какъ и все) не такъ, а обратно. Онъ увидѣлъ въ женѣ притворство, и злоба его распалася до того, что является потребность выразить ее физически. Онъ дико закричалъ ей „*уходи*“ и началъ бросать со стола письменныя принадлежности. Она ушла и супругъ успокоился. Съ женой сдѣлалась истерика: она кричала, плакала и смѣялась. Какое ужъ тутъ притворство? Поздышевъ понялъ это иссора замялась, а „въ воскресенье собрались гости и они играли“. Исполнена была бетховенская „Крейцерова соната“. Рассказчикъ дѣлаетъ передышку и философствуетъ о музыкѣ. Диалектикой его мы побѣждаемся. Страннымъ, непонятнымъ образомъ действуетъ музыка. Она пробуждаетъ въ насъ наше сердце, волнуетъ его, настраиваетъ; она заставляетъ насъ дѣйствовать подъ

вліяніемъ того чувства, какое возбуждено въ нась; она дѣлаетъ нась не своими, ненормальными, особенными людьми. „Крейцерова соната“ околдовала Позднышева. Ревность его утихла подъ обояніемъ мимолетнаго, несвойственнаго ему чувства любви иуваженія ко всѣмъ — къ женѣ, Трухачевскому и къ гостямъ.

Успокоило Позднышева и самое положеніе обстоятельствъ: ему надо былоѣхать въ уѣздъ по служебнымъ дѣламъ, а въ уѣздѣ онъ думалъ пробыть столько времени, сколько музыкантъ хотѣлъ еще оставаться въ городѣ. Можно ли отдохнуться болѣе легко и ловко отъ непріятнаго гостя?

Бодро и весело отправлялся Позднышевъ въ провинцію. Музыкантъ, его фигура, жена, ея молодость — все это стушевалось. Къ тому же въ уѣздѣ оказалось прощать дѣла. Но вотъ отъ жены письмо, гдѣ она сообщаєтъ, между прочимъ, какъ о вещи самой обыкновенной, о томъ, что у нихъ былъ Трухачевскій. Устроивъ нѣсколько дѣла, Позднышевъ занялся письмомъ. Нѣсколькихъ строкъ было достаточно, чтобы бѣшеный звѣрь ревности опять зарычалъ въ своей конурѣ и захотѣлъ выскочить. Все спокойствіе „пошло къ чорту“. Мысль о Трухачевскомъ, о красивой женѣ, объ ихъ разговорахъ, игрѣ, какъ камнемъ, сдавила его бѣдную голову. Проснулся и другой голосъ, онъ утверждалъ, что *ничего нѣтъ* и быть не можетъ, что все это вздоръ. Но голосъ ревности былъ сильнѣе. Только вспомнить Позднышевъ о красныхъ губахъ музыканта, о томъ, что тотъ не женатъ, здоровъ и недуренъ, — и все другое скрывается въ туманѣ, а въ опьяненной головѣ блуждаетъ одна мысль: „знаю ее только какъ животное. А животное ничто не можетъ, не должно удержать“. И рисуются ему въ этомъ туманѣ ихъ загадочные взгляды, которыми они перебрасывались, не стѣсняясь мужемъ, чуть замѣтныя улыбки... Оставаться далѣе въ напряженномъ состояніи неизвѣстности было невозможно. Такъ или иначе, падо, наконецъ, кончить. Онъ наскоcо собрался и поѣхалъ. Ясное осеннеe утро, свѣжій воздухъ, столбовая дорога, ямщикъ — все это нѣсколько развлекло его, да не надолго: на-попутѣ довелось пересѣсть въ вагонъ. Вѣроятно оттого, что желѣзная дорога своимъ быстрымъ ходомъ сразу напомнила ему о цѣли его поѣздки, о томъ, что онъ

скоро пріѣдетъ домой, мысли его опять сконцентрировались вокругъ того же предмета — вокругъ жены и Трухачевского. Онъ не могъ думать о другомъ: ассоціація идей приводила его невольно къ центру его думъ. „Все, о чёмъ я думалъ,—говорить Позднышевъ,—имѣло связь съ *нимъ*. Я страдалъ ужасно. Страданіе главное было въ невѣдѣніи, въ сомнѣніяхъ, въ раздвоеніи, въ незнаніи того, что любить или ненавидѣть надо ее. Страданіе было какое-то странное чувство — и ненависть сознанія своего униженія и его побѣды, но къ ней страшила ненависть. Нельзя покончить съ собой и оставить ее; надо, чтобы она пострадала хоть сколько-нибудь, хоть поняла бы, что я страдалъ“. И вотъ Позднышевъ нѣсколько разъ собирается здраво и хладнокровно обдумать свое положеніе, обсудить, что и какъ дѣлать; но разсуждать спокойно, послѣдовательно и логично не можетъ: картины и представленія мѣшаютъ думать, воображеніе не даетъ места разсудку.

Когда Позднышевъ подѣхалъ къ своему дому, онъ замѣтилъ, что окна гостиной и залы, несмотря на поздній часъ, были освѣщены. Не долго думая, но въ ожиданіи чего-то страшнаго, Позднышевъ поднялся къ себѣ. *Его* шинель въ передней, *ихъ* разговоръ въ гостиной, *ихъ* смѣхъ, поздній часъ на дворѣ, отсутствіе мужа — все это напомнило ему его положеніе, подсказало *правду*. Имъ овладѣла минутная слабость, жалость къ себѣ, не-поддѣльное чувство горечи, что онъ обманутъ. Но надо дѣйствовать, надо возбудить въ себѣ смѣлость духа, опьянить себя. „Я чуть было не зарыдалъ,—вспоминаетъ разсказчикъ,—но тотчасъ же дьяволъ подсказалъ: „ты плачь, сантиментальничай, а они спокойно разойдутся, уликъ не будетъ, и ты вѣкъ будешь сомнѣваться и мучиться“. И тотчасъ чувствительность надѣйкой исчезла, и явилось странное чувство радости, что кончится теперь мое мученіе, что теперь я могу наказать ее, могу избавиться отъ нея, что я могу дать волю моей злобѣ. И я далъ волю моей злобѣ,—я сдѣлался зрѣемъ, злымъ и хитрымъ звѣремъ“. Позднышевъ почувствовалъ необходимость дѣйствовать. Какъ? — онъ еще не зналъ. Онъ зналъ только, что теперь все кончено, что сомнѣній въ ея невинности не можетъ быть и что онъ сейчасъ накажетъ ее и кончить свои отношенія съ нею. Прежде явившееся, безсознательно задуманное рѣшеніе теперь опредѣлилось, ни

сомнѣній, ни колебаній не стало. Наступило то время, когда математикъ принимается за исполненіе задачи, рѣшеніе которой уже созрѣло въ его головѣ. Но, несмотря на то, что „все было рѣшено безповоротно“, рѣшимости окончательной еще не было; твердостью и смѣлостью характера Позднышевъ не отличался. Прояхдя дѣтской, онъ взглянула на спящіцъ дѣтей, и въ немъ проснулась вдругъ жалость къ себѣ и своей поруганной чести, къ своему положенію обманутаго мужа, проснулась и разлилась по сердцу. Герой убѣжалъ къ себѣ въ кабинетъ и зарыдалъ какъ ребенокъ. Онъ, Позднышевъ, оскорблена, поражена, уничтожена, убитъ... „Я—честный человѣкъ,—декламировалъ Позднышевъ у себя въ кабинетѣ,— я—сынъ своихъ родителей, я—всю жизнь мечтавшій о счастіи семейной жизни, я—мужчина, никогда не измѣнявшій ей... И вотъ пять человѣкъ дѣтей, и она обнимаетъ музыканта, оттого что у него красные губы!“ И этого опять стало довольно, чтобы поднять звѣря, и на этотъ разъ обманутый мужъ уже „вступилъ въ состояніе звѣря или человѣка подъ влияніемъ физического возбужденія во время опасности, когда человѣкъ дѣйствуетъ точно, неторопливо, но и не теряя ни минуты и все только съ одной опредѣленною цѣлью“. И какъ только это случилось, остальное все попло механически — тихо, спокойно, безсознательно. Онъ снялъ сапоги и остался въ носкахъ, затѣмъ, какъ весьма обыкновенную вещь и въ обыкновенное, прозаическое время, взялъ со стѣны кривой дамасскій кинжалъ, причемъ, когда ножны отъ него завалились за диванъ, подумалъ о томъ, какъ бы потомъ не забыть вытащить ихъ. Подкравшись тихо, онъ вдругъ отворилъ дверь. При появлѣніи своемъ въ залѣ, Позднышевъ не потерялъ присутствія духа и не лишился разсудка,—напротивъ, употребилъ въ дѣло всю свою наблюдательность. Онъ не хотѣлъ пропустить и не пропускалъ ни одного выраженія на ихъ физіономіяхъ, ни одного жеста. Никогда не забыть ему выраженія отчаяннаго ужаса, которое выступило въ первую секунду на обоихъ ихъ лицахъ, когда они увидали блѣднаго, босоногаго, несчастнаго супруга. Но больше всего героя интересовала она: на ея лицѣ было тоже выраженіе ужаса, но съ нимъ вмѣстѣ было и другое. И небудь этого другого, смыслъ котораго онъ понялъ скоро, то, можетъ быть, такъ

ничего бы и не случилось. Но это другое выражение, которое онъ замѣтилъ такъ же ясно, какъ и первое, не обмануло его предположенія. Смыслъ же его заключался въ томъ, будто жена испугалась не столько за себя, какъ за музыканта. Подобно путнику, который, идя въ темную ночь по пустынной дорогѣ и пугаясь всякаго выдающагося предмета, старается видѣть всюду опасность, козни,—Позднышевъ, упивалсь ужасами своихъ жертвъ, всѣ слова и жесты ихъ переводилъ на свой, Поздышевскій, языкъ, объяснялъ на свой ладъ. Однимъ управляетъ страхъ, другимъ управляла ревность. „Опомнись! что ты? Что съ тобой? Ничего нѣтъ, ничего, ничего. Клянусь!“— вскрикиваетъ въ смертельномъ ужасѣ жена. „Я бы и еще помедлилъ,—говорить Позднышевъ, но эти послѣднія слова ея, по которымъ я заключиль обратное, что все было, вызывали отвѣтъ. И отвѣтъ долженъ былъ быть соотвѣтственъ тому настроенію, въ которое я привель себя, которое шло все crescendo и должно было продолжать такъ же возвышаться. У бѣшенства есть тоже свои законы.—„Не лги, мерзавка!—заронилъ я и лѣвой рукой схватилъ ее за руку, но она вырвалась. Тогда я, все-таки не выпуская кинжала, схватилъ ее лѣвой рукой за горло, опрокинулъ навзничь и сталъ душить. Какая жесткая шея была... Она схватилась обѣими руками за мои руки, отирая ихъ отъ горла, и я какъ будто этого-то и ждалъ, изо-всѣхъ силъ ударилъ ее кинжаломъ въ лѣвый бокъ, ниже реберъ“.

И какъ легко все кончилось... Стоило столько мучиться ревностью, терзать себя, жену и дѣтей, когда все можно такъ легко устроить и такъ устроить, что все разомъ приметъ иной оборотъ. И вотъ Позднышевъ устроилъ то, чего съ такимъ жаромъ добивался: онъ свободенъ. Задача жизни решена, поруганная честь возстановлена. Со всѣмъ тѣмъ вышло *не то*. Конецъ разсказа, заключительная страница его освѣщаютъ намъ яснѣ личность Позднышева. Онъ не понималъ хорошо своихъ дѣйствій, не зналъ, что дѣлалъ, кого убивалъ. Сознаніе грѣховности и безобразности преступленія проснулось скоро, но попытка просить прощенія у умирающей жены не удалась. Она напоминаетъ намъ знаменитое *пропусти*, вместо *прости*, Ивана Ильича. „Я взглянуль на дѣтей, на ея съ подтеками разбитое лицо, и въ первый разъ забылъ себѧ, свои права,

свою гордость, въ первый разъ увидалъ въ ней *человѣка*. И такъ ничтожно мнѣ показалось все то, что оскорбляло меня, вся моя ревность, и такъ значительно то, что я сдѣлалъ, что я хотѣлъ припасть лицомъ къ ея рукѣ и сказать: прости! но не смѣль. Она молчала, закрывъ глаза, очевидно, не въ силахъ говорить дальше. Потомъ изуродованное лицо ея задрожало и сморщилось. Она слабо оттолкнула меня.—Зачѣмъ все это было, зачѣмъ?—Прости меня!—сказалъ я.—Прости? Все это вздоръ!.. Только бы не умереть!.. вскрикнула она, приподнялась, и лихорадочно блестящіе глаза ея устремились на меня.—Да, ты добился своего!.. Ненавижу!.. Ай! Ахъ!—очевидно уже въ бреду, пугаясь чего-то, закричала она“.

Судъ вынесъ убійцѣ опрѣдѣтельный вердиктъ. Но свобода ему была уже не нужна. Жизнь героя разбита въ прахъ, и самъ онъ искалѣченъ.

Что же это за люди, спрашиваетъ себя читатель по прочтениі „Крейцеровой сонаты“,—Позднышевъ и его супруга? Типы ли это людей нашего времени, или только феномены природы? Отвѣтъ на эти вопросы создается у читателя „сонаты“ еще самомъ чтеніи разсказа. Первымъ предметомъ оцѣнки характеровъ, выводимыхъ въ беллетристическихъ произведеніяхъ, является ихъ жизненность, человѣчность, а лучшимъ судьею и критикомъ наша собственная совѣсть. Всѣ мы, люди, въ существенныхъ чертахъ, удивительно похожи другъ на друга, въ нашей личности тѣ же задатки, какъ и во всемъ человѣчествѣ. Поэтому вѣрное пониманіе выводимыхъ характеровъ создается изъ сравненія нашей личности съ личностями героевъ. При чтеніи „Крейцеровой сонаты“ самихъ себя мы оставили въ покой. Занявшиись исключительно однимъ Позднышевымъ, мы безпрестанно повторяли: „вотъ до чего можетъ дойти человѣкъ, до какого безобразія, какъ низко пастъ!“ Когда передъ нами вырисовалась картина молодости Позднышева, для настѣ было достаточно, чтобы понять, что „Позднышевъ, выражаясь словами г. Протопопова,—самъ по себѣ, а мы тоже сами по себѣ“. Позднышевъ не зеркало нашей души, каковымы онъ себя воображаетъ, не зеркало, которое отражаетъ въ себѣ весь предметъ, какъ онъ существуетъ на самомъ дѣлѣ,

во всѣхъ частяхъ, со всѣми оттѣнками, правильно, — а только кривое стеклышко оть сломанной бутылки, которое отражаетъ предметъ въ измѣненномъ, искалеченному видѣ, ложно. Въ Позднышевѣ собрано все то, что есть въ человѣкѣ *нечеловѣческаго*, исключительно безобразнаго, животнаго, собрано и увеличено, увеличено и сгущено. Человѣка въ немъ ни на грошъ нѣть. Въ его дѣйствіяхъ и поступкахъ мы замѣчаемъ только утонченность и смѣтливость, нѣсколько несвойственная животному. Въ остальномъ же это — животное въ человѣческой шкурѣ. И самъ рассказчикъ не прочь согласиться съ нами, — въ одномъ мѣстѣ онъ съ иронией замѣчаетъ: „свинья я былъ ужасная, а воображалъ себѣ, что я — ангелъ“. (стр. 294 въ 13-й ч. соч. Толстого). Разумные, идеяные начала въ немъ спяты, цѣлей жизни у этого композитора неба никакихъ нѣть. Эгоизму его, самолюбию и себялюбію, честолюбію, тщеславію и гордости — нѣть мѣры. Счастье свое основываетъ не на чемъ иномъ, какъ только на личномъ покойѣ, на возможности пользоваться *неразрѣшенными* удовольствіями. Занятый исключительно самимъ собою, онъ игнорируетъ все, что не относится къ нему, все, гдѣ не участвуетъ онъ, и что не служить ему. Онъ полагаетъ, что всякий, кто дѣлаетъ попытку заявить и о себѣ, покушается на его счастіе и на его драгоценную особу. Но не будемъ судить строго. Мы сказали достаточно, для того чтобы понять, что въ лицѣ Позднышева выведенъ не типъ, а *одинъ* изъ людей, и чтобы не опасаться за себя и окружающихъ настѣ. Мы не видимъ въ Позднышевѣ жизненности. Какъ личности крайнія, Позднышевы появляются на мировой сценѣ въ ограниченномъ количествѣ и человѣчество зла большаго оть нихъ не терпитъ.

Жена Позднышева не выступаетъ передъ нами. Она также не типична, не оригинална, не ясна намъ. Но она все-таки человѣкъ, и потому ничто человѣческое ей не чуждо. Мы не знаемъ ни ея характера, ни привычекъ; но мы знаемъ ее какъ женщину вообще, женщину, какъ женщину, ту женщину, которая всегда была слабѣе мужчины и надъ которойю виситъ произволъ, женщину-рабу. И только.

II.

Прежде чѣмъ говорить о существенныхъ выводахъ, коснемся разбора пяти пунктовъ „Послѣсловія“, побесѣдуемъ о той „горькой правдѣ“ нашей жизни, которая задѣта въ „Крейцеровой сонатѣ“.

Пунктъ первый „Хотѣлъ я сказать, — говорить графъ Толстой въ „Послѣсловіи“, — во-первыхъ, то, что въ нашемъ обществѣ сложилось твердое, общее всѣмъ сословіямъ и поддерживаемое ложною наукой, убѣжденіе въ томъ, что половое общеніе внѣ брака, не обязывающее мужчину ни къ чему, кроме денежнай платы, есть дѣло совершенно естественное и потому должноствующее быть поощряемымъ. И вотъ я хотѣлъ сказать, что это нехорошо, потому что не можетъ быть того, чтобы для здоровья однихъ людей нужно было губить тѣла и души другихъ людей, также какъ не можетъ быть того, чтобы для здоровья однихъ людей нужно было пить кровь другихъ“. (стр. 369—70 въ 13-й ч.).

Въ смыслѣ того, что вступать въ половыя общенія въ холостомъ состояніи „нехорошо“, никто этого пункта оспаривать не рѣщается. Да оно было бы и смѣшно оспаривать то, очевидность чего даже бросается въ глаза. Вѣдь и самый важный аргументъ за позволительность внѣбрачныхъ общеній „ради здоровья“ разбить истинной наукой. Послѣдняя признала несомнѣнныи тотъ фактъ, что внѣбрачные общенія вообще разстраиваютъ организмъ, подрываютъ здоровье человѣка, а не поправляютъ его. Изъ господъ, предающихся внѣбрачнымъ физическимъ общеніямъ, никто, напримѣръ, не защищенъ отъ различного рода сифилитическихъ болѣзней, которыхъ находятъ благопріятную почву для своего развитія болѣе всего именно въ такъ называемыхъ домахъ терпимости, тайныхъ и явныхъ.

Возражаютъ противъ того, что эти *послѣдовіе* (т.-е. открытые) существуютъ не для удовлетворенія „однихъ людей“, не ввиду и не вслѣдствіе потребности этихъ „однихъ людей“, но вызваны нищетою и отсутствиемъ труда, и что, следовательно, бороться съ этимъ нужно не черезъ возвращеніе къ правственности этихъ „однихъ людей“, а только черезъ уничтоженіе нищеты. Оста-

вивъ въ сторонѣ то, что явные дома терпимости существуютъ собственно затѣмъ и для того, чтобы уничтожить тайную проституцію, и что потому уже отсюда яствуетъ, что преслѣдуется или не та цѣль, на которую указываютъ, именно — не нищета, а боязнь развитія сифилитическихъ болѣзней, не говоря уже объ этомъ, мы отрицаемъ возможность подобной причины еще по слѣдующему простому соображенію. Богатство не всегда можетъ служить вѣрною защитою отъ нравственного ниспаденія, отъ пониженія и ослабленія духовной силы. Промышленность, а съ нею возрастаніе доходовъ, комфортъ — могутъ прогрессировать быстро, оставляя позади прогрессъ внутренній, прогрессъ жизни. Отсюда мы часто наталкиваемся на факты, которые обнаруживаютъ передъ нами несоответствіе, существующее между материальнымъ и нравственнымъ благосостояніемъ. Мы видимъ общество, поставленное въ хорошія физическая условия, здоровое, сильное, дышащее избыткомъ средствъ, но вмѣстѣ съ этимъ не развитое, не просвѣщенное, не понимающее и не умѣющее цѣнить свой достатокъ, не окрѣпшее духовно, готовое пасть, погрузиться, подобно Риму, въ лучшую пору его материальнаго благосостоянія, въ омутъ разврата. Оно чувствуетъ свою эту немощь и инстинктивно ищетъ точку опоры, но не можетъ опредѣлить своихъ пеясныхъ желаній и стремится пополнить пустоту жизни пріисканіемъ развлечений. И вотъ...

И вотъ устраиваются маскарады, танцы, балеты, вечера, га-ремы и др. дома съ единственною цѣлью удовлетворить физическими потребностями человѣческой природы. А это уже исполинскій шагъ къ паденію нравственности.

Это и еще тотъ фактъ, что дѣвицы привлекаются въ известные дома путемъ различныхъ эксплоатаций и мошенничествъ (кто не знаетъ и не слышалъ, какую безобразную торговлю производятъ содержатели домовъ терпимости надъ невинными дѣвушками, которыхъ они привлекаютъ къ себѣ изъ честныхъ, достаточныхъ семействъ различными, иногда самыми постыдными путями; и господа эти дѣйствуютъ такъ, не преслѣдуя цѣли дать возможность заработка нуждающемуся люду, а ради наживы), — говорить намъ за то, что не бѣдность и не отсутствие труда обусловливаютъ публичный развратъ, а неспособность работать, праздность, развра-

щеніе, эксплоатація. Кстати замѣтить, что въ городахъ, гдѣ много молодежи, учащейся и служащей, существует и большій спросъ на эксцентричныхъ особъ и правильнѣе организованы дома разврата. Бываютъ, конечно, случаи, когда и бѣдность заставляетъ искать пропитанія такимъ путемъ, но случаи эти исключительны и возводить ихъ въ общую причину существующаго разврата—значить рѣшиться отрицать нравственность: нравственный человѣкъ не можетъ отдать предпочтенія представляющимъ легкимъ средствамъ потушить свою бѣдность передъ потерей чести, а рѣшится скорѣе протягивать руку за помощью, нежели быть безчестнымъ. Будь народъ безусловно нравствененъ, понимая это въ смыслѣ непорочной жизни внѣ брака, и нищета, какъ болѣе не менѣе благопріятное условіе, уничтожилась бы сама собою. Уничтожись нищету вообще, какъ нищету, мы не уничтожимъ разврата. Только тогда исчезнетъ это страшное зло нашей жизни, когда все эти „одни люди“, которые ищутъ развлеченья и удовольствія въ упомянутыхъ домахъ и внѣ ихъ—у различныхъ горничныхъ, стряпокъ, кухарокъ и у прочихъ обезпеченныхъ и необезпеченныхъ, прислужныхъ и вольныхъ рабынь.—какъ единственные виновники разврата, какъ производители его, обращаются къ нравственности. Слѣдовательно, только призваніе къ нравственности, къ абсолютному воздержанію до брака можетъ снести человѣчество отъ страшныхъ бѣдъ разврата и уничтожить проституцію.

Правда, призваніе къ нравственности, высказываемое графомъ Л. Толстымъ, нѣсколько странно, забавно, потому что „непрелюбы створи“ „немножко пораньше Крейцеровой сонаты написано“, какъ выражается г. Протопоповъ. (стр. 142, „Психологический вопросъ“, ст. Протопопова, „Русск. Мысль“ 1891 г. VIII кн.). Но графъ Толстой не говоритъ намъ устами Христа, а даетъ картину страшнаго безобразія, которое идетъ слѣдомъ за небреженіемъ этого заповѣдью.

Необходимо разъяснить недоразумѣніе, возникающее отъ неправильного пониманія и толкованія словъ нашего Спасителя: „всякий, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ (Мате. V. 28)“. Христіанская нравственность требуетъ, воверхъ, оставаться цѣло-

мудреннымъ до брака и, вовторыхъ, не смотрѣть на женщину, жену съ похотью, какъ на „сладкій кусокъ“, какъ на предметъ наслажденія. При исполненіи того и другого супруги не допустятъ себя спуститься до степени животнаго, подобно Поздышеву. Вышеприведенные слова Спасителя именно и указываютъ намъ на таковое требование христіанской нравственности. Прибѣгать въ данномъ случаѣ къ греческому лексикону излишне, потому что русскій переводъ Евангелія не расходится съ греческимъ текстомъ. Попытка некоторыхъ критиковъ гр. Толстого, обращающихся за помощью къ греческому тексту, только затемняетъ дѣло и вводить въ заблужденіе. Такъ, порывшись въ греческомъ словарѣ, критики эти заявляютъ, что въ греческомъ текстѣ стоитъ слово γυνή, а слово γυνή значить женщина, а не жена, для обозначенія же слова жена есть слово γυμετή. Поэтому, продолжаютъ они, слова Спасителя: „всякій, кто смотрѣть... относится не къ женѣ, а ко всякой другой женщинѣ. „Не очевидно ли теперь,—заключаетъ, наприм., профессоръ Гусевъ, впадая въ общую ошибку,—что слова Иисуса Христа дѣйствительно вовсе не касаются супружескихъ половыхъ отношеній“. (стр. 97 въ бр. Гусева „О бракѣ и безбрачії“). Разъ сказано γυνή, а слово это въ переводѣ значить женщина, то понимать нужна не иначе, какъ такъ, что здѣсь указывается на женщину вообще, какъ на существо отличное отъ мужчины,—на женщину, какъ на женщину, а не какъ на всякую другую женщину, но не жену. Понятіе женщина есть понятіе общее, въ которое понятіе жена входитъ, какъ частное, подобно частнымъ понятіямъ: рабыня, актриса, музыкантша... А дѣло ясно и безъ ссылокъ: бракъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ санкционировать любовныхъ вожделѣній, ни въ какомъ случаѣ не можетъ разрѣшить, благословляя супружескія половыя отношенія, то, чтобы мужъ смотрѣль на жену свою съ похотью, съ вожделѣніемъ, которое имѣеть весьма мало общаго съ истинною половою любовью и истинными половымиображеніями и по существу различно.

Пунктъ второй. „Второе то, что въ нашемъ обществѣ, вслѣдствіе взгляда на любовное общеніе не только какъ на необходимое условіе здоровья и на удовольствіе, но и какъ на поэтическое, возвышенное благо жизни, супружеская невѣрность сдѣ-

лалась во всѣхъ слояхъ общества самыи обычныи явленіемъ. И я полагаю, что это нехорошо". (стр. 371).

Не спорять и противъ этого. Всѣ согласны, что развратничать не слѣдуетъ, что нужно оставаться вѣрными принятому на себя долгу. Но господа, державшися того мнѣнія, что развратъ вызывается бѣдностью и что уничтожить его можно тогда, когда уничтожится нищета, здѣсь выражаются въ томъ смыслѣ, что, наприм., въ крестьянствѣ, гдѣ супружеская невѣрность стала обычнымъ явленіемъ благодаря „солдатству“, нравственность можетъ быть возстановлена уничтоженiemъ „солдатства“. Это, говорятъ они, выходитъ по логикѣ гр. Толстого. Это, конечно, добавимъ мы, согласно со всякою логикой, только дѣло въ томъ, какъ понимать это слово „солдатство“. Стоитъ немного подумать, чтобы догадаться, что въ этомъ выводѣ мы пришли не къ необходимости уничтожить солдатчину, войско, военную службу, воинскую повинность и все такое, а къ необходимости уничтожить самый духъ солдатчины, тотъ особенный духъ, который вносится солдатами въ крестьянскую жизнь и который связывается съ понятіемъ о „солдатствѣ“. Не людей надо уничтожить, а безнравственность въ людяхъ.

Такимъ образомъ, первый и послѣдній аргументъ противъ второго пункта падаетъ самъ собою, потому что странны, ни съ чѣмъ не сообразны и не серьезны тѣ соображенія разума, которыми снабжаетъ насъ г. Протопоповъ. „Хорошо, допустимъ, что у крестьянъ супружеская невѣрность стала обычнымъ явленіемъ, „благодаря солдатству“. Что изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ, что для уничтоженія невѣрности нужно уничтожить „солдатство“. Толстой, какъ известно, пробовалъ и это и опять-таки по своему обычному способу, а именно, убѣждая всѣхъ отказываться отъ военной службы. „Не воюй“, — это одна изъ его заповѣдей. Пожать плечами, да развести руками — вотъ все, что можно, или, по крайней мѣрѣ, все, что стоить сдѣлать предъ лицомъ такой удивительной соціологии". (стр. 142—43, VIII кн. „Русск. Мысли“ 91 г.).

Пунктъ третій. „Третье — то, что въ нашемъ обществѣ, вслѣдствіе опять того же ложнаго значенія, которое придано плотской любви, рожденіе дѣтей потеряло свой смыслъ, и вместо того, чтобы быть цѣлью и оправданіемъ супружескихъ отношеній, стало по-

мѣху для пріятнаго продолженія любовныхъ отношеній, и что потому и виѣ брака, и въ бракѣ, по совѣту служителей врачебной науки, стало распространяться употребленіе средствъ, лишающихъ женщину возможности дѣторожденія, или стало входить въ обычай, привычку—то, чего не было прежде, и теперь еще нѣть въ патріархальныхъ крестьянскихъ семьяхъ,—продолженіе супружескихъ отношеній при беременности и кормлениі. И полагаю я, что это нехорошо". (стр. 371—72).

Съ этимъ пунктомъ, понимая его прямо, также всѣ согласны, потому что это такой пунктъ, который составляетъ требование всѣхъ ученій и мнѣній о нравственности. Уничтоженіе плода, брачныхъ сношеній во время беременности и даже при кормлениі, злоупотребленіе возможностью половыхъ сношеній—все это поистинѣ ужасно. Мы признаемъ половыя отношенія въ брачной жизни естественными и законными, но они могутъ быть и *не* естественными и *не* законными, коль скоро совершаются не въ виду тѣхъ задачъ, которыхъ налагаются на супруговъ при женитьбѣ, а по поздышевски—ради пріятности ихъ, ради нихъ самихъ.

Съ этой-то стороны и слышатся возраженія, посылаемыя по направлению къ этому третьему пункту. Какъ же, говоритьъ, поступить двумъ молодымъ супругамъ, у которыхъ есть уже нѣсколько человѣкъ дѣтей, но нѣть средствъ на прокормленіе слѣдующихъ дѣтей? По учению Льва Толстого должно воздерживаться. Несогласные въ принципѣ съ требованіями его ученія о нравственности, мы, тѣмъ не менѣе, стоимъ здѣсь за воздержаніе. „Нашъ отвѣтъ,—говоритъ Протопоповъ,—не столь кратокъ и ясенъ, но, смѣемъ думать, и болѣе цѣлесообразенъ, и болѣе человѣколюбивъ: общество *можетъ*, а, *следовательно*, и *обязано* прокормить и воспитать всѣхъ своихъ будущихъ членовъ, *независимо* отъ того, имѣются или не имѣются кубышки у ихъ родителей..." (стр. 143). Отвѣтъ этотъ человѣколюбивъ до потворства, но не цѣлесообразенъ, потому что съ дѣйствительностью не вяжется. Не всегда бываетъ, впервыхъ, что общество *можетъ* заниматься плодами семейныхъ увлеченій. Вовторыхъ, воспитаніе, а тѣмъ болѣе кормление будущихъ членовъ *не лежитъ на обязанности* общества, а потому оно и *не можетъ* кормить и воспитывать всѣхъ своихъ будущихъ членовъ. На обязанности общества

лежитъ много другого. Воспитаніе же и кормленіе составляеть всецѣло задачу семьи. Вступать же въ супружество, не обладая средствами, достаточными на кормленіе и воспитаніе дѣтей, и надѣяться при этомъ на то, что общество можетъ, а, слѣдовательно, и обязано позаботиться о плодахъ семейнаго союза, неразумно точно такъ же, какъ неразумно взять на себя обязательство какой-нибудь работы съ тѣмъ предположеніемъ, что можно будетъ ускользнуть отъ работы, возложивъ ее на другого. Это будетъ весьма походить на тѣ казусы, которые мы читаемъ въ юмористическихъ журналахъ. Господинъ заказываетъ себѣ завтракъ, пойдаетъ его, а когда приходитъ время разсчета, указываетъ на другого или ссылается на неимѣніе средствъ. Мы отстаиваемъ то положеніе, что вступать въ бракъ безъ средствъ къ прокормленію и воспитанію будущихъ дѣтей не слѣдуетъ, а если вступилъ и обѣдишь, то призови на помощь воздержаніе, потому что половыя отношенія, разъ они не оправдываются дѣтьми, обращаются въ удовольствія, а подобныя удовольствія представляютъ изъ себя не иное что, какъ развратъ, весьма похожій на тотъ, въ которомъ жилъ Поздышевъ послѣ того, какъ доктора запретили его женѣ рожать и научили средству.

Отдавая въ данномъ случаѣ предпочтеніе воздержанію, мы не впадаемъ въ противорѣчіе съ самими собою въ утвержденіи того, что цѣломудріе есть особый даръ и потому держаться его человѣку неодаренному трудно, неестественно, даже невозможно. Рѣчь идетъ здѣсь объ исключительныхъ случаяхъ, дѣло здѣсь касается жертвы личнымъ счастіемъ, собою для счастія дѣтей. Если есть у супруговъ истинная любовь другъ къ другу и дѣтямъ, то, обладая средствами для воспитанія только известного количества дѣтей и зналъ, что забота о дѣтяхъ ихъ лежить на нихъ самихъ, они, вѣроятно, не задумываясь, пожертвуютъ собою, потому что истинная половая любовь между супругами, которая освящаетъ половыяображенія, не имѣеть въ корне资料ъ, какъ увидимъ ниже, эгоизма и надѣляетъ общающіхся способностью къ само-пожертвованію, гдѣ это нужно.

Пунктъ четвертый. „Четвертое—то, что въ нашемъ обществѣ, въ которомъ дѣти представляются или помѣхой для наслажденія, или несчастною случайностью, или своего рода на-

слажденiemъ, когда ихъ рождается впередъ опредѣленное количе-
ство, эти дѣти воспитываются не въ виду тѣхъ задачь человѣ-
ческой жизни, которыхъ предстоять имъ, какъ разумнымъ и любя-
щимъ существамъ, а только въ виду тѣхъ удовольствій, ко-
торыя они могутъ доставить родителямъ. И что вслѣдствіе этого
дѣти людей воспитываются какъ дѣти животныхъ, такъ что
главная забота родителей состоить не въ томъ, чтобы пригото-
вить ихъ къ достойной человѣка дѣятельности, а въ томъ (въ
чемъ поддерживаются родители ложною наукой, называемой ме-
дициной), чтобы какъ можно лучше напитать ихъ, увеличить ихъ
ростъ, сдѣлать ихъ чистыми, бѣлыми, сытыми, красивыми (если
въ низшихъ классахъ этого не дѣлаютъ, то только по необхо-
димости, а взглѣдъ одинъ и тотъ же). И въ изнѣженныхъ дѣ-
тяхъ, какъ и во всякихъ перекормленныхъ животныхъ, неес-
тественно рано появляется непреодолимая чувственность, составляю-
щая причину страшныхъ мученій этихъ дѣтей въ отроческомъ
возрастѣ. Наряды, чтенія, зрѣлища, музыка, танцы, сладкая пи-
ща, вся обстановка жизни отъ картинокъ на коробкахъ до романовъ,
повѣстей и поэмъ—еще болѣе разжигаютъ эту чувствен-
ность, и вслѣдствіе этого самые ужасные половые пороки и бо-
льзни дѣлаются обычными условіями выростанія дѣтей обоего
пола и часто остаются и въ зрѣломъ возрастѣ. И я полагаю,
что это нехорошо“. (стр. 372—73).

Пунктъ этотъ наводить на весьма пространныя размышенія
о воспитаніи нашихъ молодыхъ людей. Вопросъ о воспитаніи
тревожится безпрестанно, каждый спѣшить подѣлиться своими
взглядами. Но каждый понимаетъ задачи воспитанія различно,
по-своему, и общество еще до сихъ поръ не имѣетъ на этотъ
счетъ установленныхъ, точныхъ, опредѣленныхъ взглядовъ.

Но надо сказать, что среди лучшихъ людей нашего времени
взгляды начинаютъ устанавливаться, на молодежь подуль новый,
освѣжающій вѣтеръ. Признается несомнѣннымъ, что воспитаніе
должно имѣть тѣ задачи, чтобы выработать изъ дѣтей полезныхъ
членовъ общества, дѣятелей, могущихъ помочь своимъ ближнимъ
знаніями и внести искренность и теплоту въ отношенія между
ними. Изъ ребенка намъ надо образовать гражданина, семьянина,
человѣка, способного замѣстить насъ. Дѣтей должно обогащать

только такими знаніями, которые наиболѣе цѣнны, пригодны для жизни. Цѣнность же и пригодность для постоянно осложняющейся и идущей впередь въ сопутствіи съ наукой и опытомъ жизни имѣютъ прежде всего положительный знанія. Это сознано теперь большинствомъ, и это-то сознаніе и начинаетъ проливать новый, яркій свѣтъ на трудное дѣло воспитанія дѣтей.

Неудовлетворительные результаты, получаемые изъ старой школы, находять себѣ сочувствіе въ непониманіи воспитательного дѣла самими господами родителями. На воспитаніе дѣтей въ семьяхъ нашихъ не обращаютъ должнаго серьезнаго вниманія; дѣтей своихъ родители препоручаютъ вѣдѣнію учителей, репетиторовъ, гувернеровъ. Воспитаніе—такая строгая, серьезная задача съ одной стороны и такая важная, поченная обязанность съ другой: „вѣдь растетъ то, что продолжаетъ, замѣняетъ насъ“, скажемъ словами Поздняшева,—и этою задачей, этою обязанностью пренебрегаютъ, игнорируютъ. Изъ дѣтей дѣлаютъ игрушки, разжигаютъ съ юныхъ лѣтъ похоть, чувственная влеченія. Ужасная дѣтская болѣзнь (онанизмъ) прилипаетъ исключительно къ дѣтямъ достаточныхъ семей. Картинки, музыка, шоколадъ—что это такое? Всѣ эти предметы, которыми пичкаютъ дѣтей ради развлечения ихъ, только пища для развитія въ нихъ неестественныхъ въ ихъ годы желаній и вожделѣній.

Мы не имѣемъ намѣренія распространяться обѣ этомъ предметѣ, такъ какъ задача воспитанія на столько серьезна и широка, что требуетъ цѣлаго трактата; но мы хотимъ указать на то, что воспитаніе юношества въ интеллигентномъ обществѣ нашего времени не преслѣдуется въ большинствѣ случаевъ никакихъ серьезныхъ цѣлей, а если и преслѣдуется какія-нибудь цѣли, то цѣли низкія, пошлыя, вродѣ животной сытости въ ущербъ умственному, духовному развитію,—и хотимъ еще указать на то, что составляетъ предметъ требованій новаго направленія въ воспитаніи.

Школа, понимаемая вообще, есть проявленіе умственной жизни общества, она тѣсно связана съ эпохой, идетъ съ нею рядомъ. Отсюда является опредѣленіе этого понятія. Школа, какъ воспитаніе, есть, такъ сказать, повтореніе цивилизациіи въ миниатюрѣ. Тѣло и умъ требуютъ одинаковой заботы и одновремен-наго развитія, и воспитаніе, долженствующее начаться съ колы-

бели, въ своей послѣдовательности и методахъ должно сообразоваться строго съ естественнымъ процессомъ физического и умственного развитія. Таково первое требование школы.

На практикѣ послѣдняя доктрина терпить фіаско за незнаніемъ ни природы дѣтей, ни порядка развитія ихъ способностей, ни порядка знаній. Все это весьма важно, и за отсутствіе столь необходимыхъ свѣдѣній глубоко досадно. Но, не добравшись до сути дѣла прямымъ, положительнымъ путемъ, мы, однако, можемъ дойти путемъ косвеннымъ, отрицательнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ весьма большую, солидную роль играетъ то обстоятельство, что иѣкоторые системы воспитанія, иѣкоторые способы и методы преподованія уже окончательно признаны непригодными и отвергнуты, а на мѣсто ихъ придуманы и призваны—другіе, которые даютъ болѣе благопріятные результаты.

Мы знаемъ, что въ воспитаніи ума ученіе „наизусть“, механическій методъ, изученіе правилъ лишены какого бы то ни было довѣрія и цели, такъ какъ знанія при такомъ изученіи не врѣзываются въ память, а если и врѣзываются, то даются только одно виѣшнее пониманіе. Новый методъ въ воспитаніи говоритъ памъ, что преподаваніе должно необходимо сообразоваться со склонностью ребенка, съ его способностями. Первое условіе успѣха при этомъ: неутомимое наблюденіе за ребенкомъ, за мальчикомъ и за юношой.

Въ отношеніи воспитанія сердца родители и воспитатели страдаютъ болѣю неподготовленностью. Воспитаніемъ руководить минутное настроеніе, непостоянство, невнимательность. Слѣдить за развитіемъ душевныхъ качествъ ребенка, останавливать отъ дурныхъ привычекъ и поступковъ, направлять волю къ доброму, быть въ состояніи дать понять, что хорошо и что дурно, сообразовать наказаніе съ родомъ проступка и силою его—все это не легко и обо всемъ этомъ общество имѣеть самыя смутныя понятія. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что, впервыхъ, истинная любовь къ ребенку и къ самому дѣлу воспитанія и, вовторыхъ, довѣріе и привязанность дѣтей—вотъ тотъ краеугольный камень, на которомъ поконится разумное воспитаніе душевныхъ качествъ дѣтей. Этого нужно достигать и только съ этимъ нравственное воспитаніе можетъ быть разумно, дастъ хорошие плоды.

Что касается физического воспитанія, то, безъ сомнѣнія, за-

Забота о здоровьи детей должна стоять такъ же высоко, какъ и забота объ умственному развитіи. По этому поводу мы припоминаемъ подходящую сюда латинскую пословицу, которую еще удержали въ памяти: *in corpore sano-mens sana* (въ здоровомъ тѣлѣ здоровый умъ). И то и другое должно идти параллельно, рядомъ, рука обь руку. Объ этомъ у насъ многіе забываютъ и вдаются въ крайности, именно заботятся о здоровьи ребенка не въ мѣру, во вредъ развитія ума, какъ бы даже забывая о послѣднемъ. Сама природа — лучшая руководительница въ этомъ отношеніи. Что это такъ, это мы можемъ видѣть изъ того, что крестьянскія дети, которыхъ живутъ совершенно на лонѣ природы и которыми руководить исключительно послѣдняя, отличаются вообще болышею крѣпостью, болышею выносливостью и болышимъ здоровьемъ передъ нашими дѣтьми, поставленными несравненно въ лучшія условія. Да оно и понятно. Мы, воспитатели, сами руководимъ и аппетитомъ дѣтей и ихъ играми, занятіями, упражненіями, гимнастикой, воздухомъ. На все это мы устраиваемъ „часы“: въ извѣстный часъ обѣдъ, въ извѣстный часъ занятія, въ извѣстный часъ игры. Сдѣлавъ себя руководителями дѣтской жизни, мы въ этомъ случаѣ совсѣмъ не принимаемъ въ разсчетъ естественныхъ потребностей и влечений ребенка, мы забываемъ, что аппетитъ у него не постояненъ, что желудокъ его работаетъ живо, и потому онъ есть мало, но часто, забываемъ, что насиливать природу вредно, забываемъ, что утолять голодъ и жажду, если они есть, ни въ какомъ случаѣ не вредно. Такой же произволъ вносимъ мы и въ другія сферы жизни ребенка: заставляемъ заниматься, когда у него нѣть желанія, позволяемъ играть, когда ребенокъ дѣлается серьезнымъ, задумывается. Въ жизни крестьянскихъ дѣтей ничего этого въ большинствѣ случаевъ нѣть, тамъ дѣти предоставлены самимъ себѣ, природѣ. Указывая на крестьянскихъ дѣтей, мы не хотимъ, однако, указать на то, что физическое воспитаніе должно отличаться спартанской супровостью, къ которой располагаетъ крестьянскихъ дѣтей самая обстановка ихъ жизни. Пріученіе къ спартанской супровости еще болѣе неестественно и и также заблужденіе. Мы хотимъ только сказать, что необходимо дать дѣтямъ больше свободы въ этомъ отношеніи, сдѣлать руководителями физического воспитанія не самихъ себя, а природу.

А если воспитаниемъ этимъ мы будемъ руководить сами въ сообществѣ съ модой, то путного выходить изъ этого ничего не будетъ; выйдетъ только тотъ хаосъ, на который указываетъ Позднышевъ.

Пунктъ пятый. „Пятое—то, что въ нашемъ обществѣ, гдѣ влюблениe между молодымъ мужчиной и женщиной, имѣющее въ основѣ все-таки плотскую любовь, возведено въ высшую поэтическую цѣль стремлений людей, свидѣтельствомъ чего служитъ все искусство и поэзія нашего общества, молодые люди лучшее время своей жизни посвящаютъ: мужчины — на выглядываніе, присматриваніе и овладѣваніе наилучшими предметами любви въ формѣ любовной связи или брака, а женщины и девушки — на заманиванье и вовлеченіе мужчинъ въ связь или бракъ. И отъ этого лучшія силы людей тратятся не только на непроизводительную, но на вредную работу. Отъ этого происходитъ большая часть безумной роскоши нашей жизни, отъ этого праздность мужчинъ и безстыдство женщинъ, не пренебрегающихъ выставленіемъ по модамъ, заимствованнымъ отъ завѣдомо развратныхъ женщинъ, вызывающихъ чувственность частей тѣла. И я полагаю, что это нехорошо“. (стр. 373).

Все это сущая глубокая правда и все это хуже чѣмъ „некорошо“, это—бездобразно. Но въ двухъ послѣднихъ пунктахъ — четвертомъ и пятомъ — проступаетъ тѣнь исключительности, за которую хватаются абсолютные противники идей нашего писателя, какъ за доказательство того, что онъ захватываетъ только небольшой уголокъ жизни. Съ внешней стороны въ своихъ возраженіяхъ они правы, потому что раскармливаніе дѣтей, праздность мужчинъ, безстыдство женщинъ находятся въ зависимости отъ финансовыхъ достояній, а финансовые достоянія въ общемъ только встрѣчаются. Однако если взглянуть на суть дѣла глубже, то можно обвинить этихъ возражателей въ неточности пониманія, потому что дѣло здѣсь заключается не въ иномъ чѣмъ, какъ въ настроеніи общества, а настроеніе это не зависитъ отъ финансовыхъ достояній каждого изъ его членовъ. И бѣдные и богатые, и простые и знатные, проникшись этимъ настроениемъ, стремятся къ тому, чтобы сдѣлать своихъ дѣтей сытыми и красивыми физически, чтобы имѣть больше досуга для праздности, къ тому, чтобы имѣть доступъ къ нарядамъ, бездѣлушкамъ, къ тряпкамъ.

Эти стремления, замѣчаемыя въ движениі жизни всѣхъ классовъ, сверху до низу, свидѣтельствуютъ обѣ общности наблюдалемаго явленія. Всѣ люди, которыхъ мы встрѣчаемъ, почти или уже заражены вышесказанными стремлениями. Взглянувъ вокругъ, мы уже видимъ эту заразу, она прививается удивительно быстро, подобно эпидемической болѣзни. Ссылки въ данномъ случаѣ нѣкоторыхъ критиковъ гр. Толстого на то, что есть люди, которыми не до моды, которые роскошь и наряды видятъ только въ витринахъ магазиновъ, которыхъ „руки ноютъ отъ работы вѣчной“, — походятъ нѣсколько на увѣренія одного чудака, который страшно негодовалъ на подгулявшій въ праздникъ народъ: у него-де жена умерла, а они себѣ радуются.

Очень рѣзко казнить Толстой „безстыдство женщинъ“. Безстрашіе его доходитъ до того, что онъ рѣшается поставить жизнь высшихъ классовъ въ сравненіе съ жизнью извѣстнаго дома. Надо сознаться, что сравненіе безщеремонно, неделикатно, рѣзко. И съ жудожественной стороны оно тоже по-истинѣ ужасно.

Но не служить ли оно укоромъ тому высшему интеллигентному обществу, которое вносить въ русскую жизнь не хорошія стороны европейской культуры, а только пустоцвѣтъ, моду во всѣхъ ея видахъ. Гр. Толстой подошелъ въ Поздняшевъ къ своему сравненію не сразу. Прежде онъ просказывался на этотъ счетъ въ „Смерти Ивана Ильича“, позднѣе, болѣе рѣзко и ядовито, въ „Плодахъ просвѣщенія“. Г. Листовскій въ своей брошюрѣ „Замѣтки на Крейцерову сонату“ указываетъ на нелогичность сравненія гр. Толстого; по его мнѣнію, презираемыя перенимаютъ фасоны съ высшаго общества не для иного чего, какъ для того, чтобы скрыть свою профессію. Но, какъ бы забывать про только что высказанную мысль, онъ прибавляетъ: „если женщина любить украшать себя нарядами, то не потому ли, что мы любимъ видѣть ее нарядно?“ „Какъ кажутся намъ не на мѣстѣ перстни и браслеты на рукахъ мужчины, хотя бы дикаря, такъ, напротивъ, вы почетете ихъ всегда принадлежностью женскаго туалета, но не по привычки глаза, а по требованію вкуса“. Этимъ г. Листовскій, вѣроятно вполнѣ нечаянно, сбиваетъ самъ себя и свое указаніе на нелогичность толстовскаго сравненія. Не потому ли и презираемыя женщины любить украшать себя нарядами, заем-

ствованными отъ модницъ, которыхъ онѣ встрѣчаютъ въ общественныхъ мѣстахъ, и отъ ихъ портнихъ, что это также нравится ихъ любезнымъ, этимъ „однимъ людямъ“, не потому ли, что и послѣдніе любятъ ихъ видѣть также нарядными. Мы полагаемъ, что побужденіе у тѣхъ и другихъ женщинъ, прибѣгающихъ къ нарядамъ, одно и то же, разница же только въ томъ, что однѣ женщины даютъ тонъ, а другія его принимаютъ, подражаютъ. И тутъ и тамъ все происходитъ оттого, что въ женщинѣ страсть нравиться развита болѣе, нежели въ мужчинѣ способность увлечься эстетически. Поэтому, украшенія, къ которымъ прибѣгааетъ женщина, далеко не всегда удовлетворяютъ чувству прекраснаго, а весьма часто дѣйствуютъ на чувственность, раздражаютъ. Мужчинѣ можетъ нравиться туалетъ женщины своею простотою, изящностью, тѣмъ, о чемъ говорятъ *это идетъ*. Оголеніе же рукъ, плечъ, груди, обтягиваніе талии и проч. элементы женскихъ нарядовъ могутъ вызывать въ нравственномъ мужчинѣ отвращеніе къ женщинѣ, въ безнравственномъ — похоть. Это-то вызваніе похоти въ нарядахъ тѣхъ и другихъ женщинъ и возмутило Позднышева.

Наряды, каковы бы они ни были, не представляютъ изъ себя ничего особенно возвышенного, прекраснаго, потому что подкладкой своей имѣютъ нехорошее желаніе — поразить внѣшностью, увлечь. Не о нарядахъ надо думать, а о другомъ. И каждый знаетъ, что „есть сокровища выше золата“, но только знаетъ, а не чувствуетъ. Безшабашная жизнь, погоня за мелочами, особенное настроеніе всего общества не даютъ почувствовать прелести этого другого. Но всему свое время.

„Праздность мужчинъ“, отсутствіе у нихъ даже желанія трудиться не составляютъ у насъ предмета удивленія. Достаточно бросить только мимолетный взглядъ на нашу интеллигенцію, чтобы убѣдиться въ дѣйствительномъ существованіи этой праздности въ нашихъ молодыхъ людяхъ. Французы поняли это большое мѣсто нашего общества и указываютъ на господствующій духъ нашего интеллигентнаго, *направляющаго* класса, какъ на явленіе патологическое. Какъ ни непрѣятно слышать это даже отъ французовъ, которые и сами въ этомъ отношеніи не далеко ушли отъ насъ, однако нельзя не сознаться въ правдивости этихъ указаний. Говорить, молодежь наша стремится нынѣ къ *дипломамъ*,

какъ къ орудію въ борьбѣ за существованіе, и, сидя на скамейкѣ, думаетъ, такимъ образомъ, только о томъ, какъ бы обеспечить себя, избѣжавъ труда и пороговъ; говорять, молодежь наша съ юныхъ лѣтъ мечтаетъ уже о карьерѣ, а въ заключеніе страдаетъ полнымъ отсутствиемъ такъ называемой общей образованности. Едва ли это фразы, безъ доли правды, потому что подобное же мы слышимъ и, въ недовольствѣ общества на современную молодежь, и въ отзывахъ педагоговъ, и въ сознаніи смихъ студентовъ.—Праздность молодежи не имѣеть въ виду извѣстные классы общества, праздность эта есть состояніе духа, настроеніе общества (конечно, находящее болѣе благопріятную почву въ достаточныхъ слояхъ общества) и, какъ настроеніе, она временна и преходяща.

III.

Теперь мы будемъ говорить о существенныхъ выводахъ.

Углубившись даже немного въ созерцаніе окружающей насъ природы, мы видимъ всюду удивительную связь, гармонію, единство. Отрицать и оспаривать это никто не рѣшился, кто только надѣленъ хотя маленькою способностью наблюдательности. Рѣшиительно во всемъ, что одарено жизнью и движениемъ, мы замѣчаемъ стремленіе рости, бороться, достигать покоя, свободы, независимости. Все живущее проникнуто вообще жаждою найти себѣ счастье, которое оно воплощаетъ сознательно или бессознательно въ опредѣленный идеалъ, этою жаждою одухотворяется, облагораживается и оживляется жизнь его, эта жажда счастія наполняетъ каждое существо любовью къ жизни, желаніемъ и стремленіемъ жить. Мы видимъ, какъ все вокругъ насъ борется, падаетъ, поднимается, спѣшитъ, и знаемъ, что все это имѣеть въ основѣ своей одно—любовь.

Этю любовью проникнута вся вселенная, весь міръ. Любовь эта является единственнымъ руководящимъ началомъ жизни: нѣть этой любви,—исчезаетъ желаніе жизни и, потому, самая жизнь. Вся эта наша жизнь, все наши вѣрованія, религія, „идеалы свободы, добра, красоты“—все это въ основаніи своемъ кроеть

одно, проникнуто однимъ — любовью. Чувство это общечеловѣчно. Субъектовъ, которымъ противна жизнь до того, что они дѣлаютъ напытки покончить съ нею, немногого. Въ различныхъ развѣтвленіяхъ этого чувства отступлениа встрѣчаются чаще, но они также не болѣе, какъ только отступлениа. Невольно возникаетъ вопросъ, откуда явилась къ намъ эта дивная способность, изъ какого источника почерпаетъ все живущее эту свою живучесть? Отвѣтить не трудно. Любовь къ жизни дана намъ не виѣллежащею отъ насъ природой, не съ пищей, не воспитанiemъ, а именно, какъ выражается Шопенгауеръ, *геніемъ рода* чрезъ посредство нашихъ отцевъ. Способность жизни и любовь къ ней перелились къ намъ отъ отца, который получилъ ихъ въ свою очередь отъ дѣда, а дѣду далъ ихъ прадѣдѣ и т. д. Такимъ образомъ, мы носимъ на своихъ плечахъ, такъ сказать, цѣлую тысячную группу представителей отъ различныхъ поколѣній. Пріобрѣтенная нами воля къ жизни есть воля къ жизни дѣлагао рода. Вмѣстѣ съ этимъ намъ дана способность передавать жизнь и хотѣніе ея и другимъ. Средство для передачи ихъ другимъ заключается въ половомъ влечениіи другъ къ другу двухъ различныхъ индивидуальностей — мужчины и женщины. Въ этомъ влечениіи участвуетъ, главнымъ образомъ, чувство „гения рода“. Мужчина и женщина, какъ индивидуумы взятые отдельно, не въ состояніи дать жизни, произвести на свѣтъ третье существо. Послѣднее можетъ явиться только при совмѣстномъ участіи двухъ различнаго пола индивидуумовъ вмѣстѣ. Этому явлению даетъ объясненіе то обстоятельство, что типъ человѣка составляютъ собственно не одинъ который-нибудь изъ двухъ половъ, а оба, вмѣстѣ взятые. Организація каждого одностороння по отношенію къ составному типу, имѣть въ себѣ недостатки и пробѣлы. Достаточно обратить вниманіе на различіе, существующее между мужчиной и женщиной, чтобы понять это. Различіе имѣется какъ въ физиологическомъ, такъ и въ психологическомъ отношеніи. Односторонность своей организаціи мы чувствуемъ, а вслѣдствіе этого въ насъ разыгрывается желаніе сладить эту односторонность, пополнить недостатки и пробѣлы. Но въ насъ нѣть сознанія того, что именно намъ нужно для пополненія недостатковъ нашей природы. Благодаря этому мы лично не можемъ узнать, угадать

того субъекта, въ которомъ мы могли бы найти поддержку, въ союзѣ съ которымъ мы можемъ составить типъ. Но чувство рода понимаетъ то, что нужно нашей природѣ, и указываетъ намъ на того, кто въ силахъ удовлетворить ея требованіямъ. Мы невольно привязываемся къ этому субъекту. Чувство привязанности имѣется половыми влечениями, любовью.

Въ женщинѣ намъ нравится то, чего нѣть въ нась самихъ, привлекаетъ насъ женщина всегда тѣмъ, чѣмъ мы обижены. Такъ, въ ней мы находимъ умъ, склонный къ синтетическому мышленію, практичность въ мелочахъ жизни; находимъ всегда женственную мягкость сердца, нѣжность и горячность чувства, сочувствіе, боязливость, стыдливость; насъ удовлетворяетъ ея слабая воля, уступчивость, непостоянство характера. Въ мужчинѣ женщина ищетъ силу ума, анализъ мышленія, холодное, неподатливое сердце, твердую, упрямую, непоколебимую волю. Такъ можно сказать вообще. Нѣть сомнѣнія, что бываютъ натуры, обладающія наклонностями ума, сердца и воли, несвойственными вообще ихъ природѣ. Во всякомъ случаѣ законъ любви остается неприкосновеннымъ: любовь основывается на чувствѣ превосходства.

Въ стремлениі гармонического сочетанія лицъ различнаго пола между собою природа наилучшимъ образомъ осуществляетъ свои цѣли: 1) въ этой прекрасной гармоніи иллюстрируется типъ человѣка, 2) это чудное сочетаніе даетъ источникъ жизни третьему.

Любовь, которую проникаются два индивидуума различныхъ половъ, какъ бы ни казалась возвышенной, въ сущности кроется единственно въ половомъ инстинкѣ. Преимущественную, главную роль въ человѣческой жизни играютъ половыя отношенія. Они— средоточіе всякой дѣятельности, они всюду обнаруживаютъ свое присутствіе, несмотря на все желаніе скрыть ихъ, составляютъ предметъ помышленій молодыхъ и старыхъ, навязчивую мечту развратныхъ и цѣломудренныхъ. „Въ томъ-то вся проня,—замѣчаетъ Шопенгауэръ,—что главное дѣло человѣчества совершается въ тайнѣ, игнорируется какъ что-то постыдное и неприличное, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности оно властвуетъ надо всѣмъ и насыщается надъ попытками укротить его“.

Предрасположеніе къ истинной половой любви, какъ къ чув-

ству, помошю которого природа стремится осуществить свои цѣли, вложено въ каждого (у каждого есть на землѣ своя „половина“) и въ рѣдкихъ случаяхъ не находить выхода, не кинетизируется. Но трудно указать на самый процессъ зарожденія этой любви. Влюбляющійся субъектъ не чувствуетъ того момента, съ котораго началась его любовь. Можно только сказать, что необходимымъ условиемъ возникновенія этого чувства является какая-нибудь такая выдающаяся особенность индивидуума, которая способна сосредоточить на себѣ вниманіе, возбудить въ другомъ чувство удивленія, удовлетворить потребности его вкуса. Любовь никогда не возникаетъ и не можетъ возникнуть сразу во всей своей силѣ; она ищетъ приспособленія, поддержки, подвержена законамъ развитія. Время укрѣпляетъ ее, и, укрѣпленная временемъ, она познается. Такимъ образомъ всегда и выходитъ такъ, что влюбленный чувствуетъ себя пойманнымъ, попавшимся въ *спутни любви*. „Истинной половой любви, — говоритъ по этому поводу профессоръ Гусевъ, — какъ и всякой любви, свойственно крѣпко держаться своего предмета, а не переходить постоянно съ одного субъекта на другой. Мало того: какъ всякое другое чувство, имѣющее основаніе свое въ человѣческой природѣ, истинная половая любовь способна къ наибольшему и наибольшему возрастанію. Вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ духовнымъ сближеніемъ и нравственнымъ развитиемъ супруговъ, они все дороже и необходимо становятся другъ другу. Ихъ души, по мѣрѣ соотвѣтствія ихъ супружеской жизни нравственно-воспитательной цѣли брака, переплетаются тысячами новыхъ нитей, крѣпче и крѣпче связующихъ ихъ. Не одна биографія Джонъ-Стюартъ Милля, а цѣлья тысячи подобныхъ документовъ служатъ фактическимъ подтвержденіемъ такого свойства половой любви“. (стр. 53 въ брошюре „О бракѣ и безбрачіи“).

Истинная половая любовь способна направить человѣка на настоящую дорогу, способна смягчить нравъ его и побѣдить всякую злобу. Самое сильное изъ всѣхъ чувствъ человѣческой природы, истинная половая любовь располагаетъ человѣка ко всевозможнымъ жертвамъ, внушаетъ ему самыя гуманныя мысли. Любовь эта могучая. Она прерываетъ серьезныя занятія, врывается въ кабинеты ученыхъ, художниковъ, поэтовъ, вводить въ заблужденіе вели-

чайшие умы.—Подъ наитиемъ этого чувства человѣкъ измѣняеть самъ себѣ: изъ сосредоточеннаго онъ дѣлается разсѣяннымъ, изъ спокойнаго—грустнымъ, изъ здороваго—больнымъ. Онъ машинально исполняеть свои обязанности, вѣчно занятый мыслью о предметѣ своей любви. Къ окружающему относится индифферентно, разговоры о предметахъ отвлеченныхъ для него невыносимы, неинтересны, скучны. И говорить, и думать, и мечтать, любоваться, гулять, работать—все это дѣлать ему хочется съ предметомъ своей любви. Ему слиться хочется съ нимъ. Окружающій міръ ему кажется душнымъ и тѣснымъ и неполнымъ безъ него. Ему не нужно никого, кромѣ этого дивнаго существа. Онъ не замѣчаетъ и не видитъ другихъ. Видѣть его ему представляется счастьемъ, при видѣ любимой особы его опьяняетъ восторгъ. Обладаніе этой особой онъ почитаетъ блаженствомъ.

При истинной половой любви нѣтъ мѣста ревности. Въ основѣ послѣдняго чувства лежитъ недовѣріе, несочувствіе, въ основѣ же истинной половой любви абсолютное довѣріе и абсолютное сочувствіе. Ревность—это мучительное, безотчетное, неопределеннное состояніе духа—является при любви неистинной, неполной, эгоистической. Подъ влияніемъ ревности человѣкъ способенъ на всякое зло по отношенію къ любимому существу. Онъ дѣлается несноснымъ, придирчивымъ, злымъ, онъ всюду преслѣдуется предметъ своей страсти, взвѣшиваетъ его отношенія къ себѣ, провѣряетъ въ умѣ каждый его поступокъ, разбираетъ каждое сказанное имъ слово. Всѣ эти модуляціи не знаютъ мѣры, онѣ нестерпимы, потому что тутъ всюду заявляютъ претензію всѣ элементы сомнѣнія, раздраженія, неудовольствія и страданія. Истинная половая любовь свободна отъ ревности.

Вотъ приблизительно характеристика любви, которою живеть, движется, существуетъ человѣчество. Считаемъ необходимымъ еще разъяснить для лучшаго пониманія высказанной нами характеристики половой истинной любви, въ чёмъ состоитъ увлеченіе, влюбленіе. Употребленіемъ слова *любовь* часто злоупотребляютъ: и понимаютъ неправильно, и употребляютъ извращенно. Такъ, наприм., называютъ любовью простое увлеченіе, которое, какъ мы сейчасъ увидимъ, представляетъ изъ себя нѣчто другое, отличное отъ любви.

Всякій красивый предметъ обладаетъ способностью обращать на себя вниманіе, привлекаетъ къ себѣ, удивляетъ насъ, возбуждаетъ въ насъ чувство прекраснаго, трогаетъ и умиляетъ наше нѣжное сердце. Красота вообще увлекательна, сильна, могуча. Она всегда представляетъ весьма благопріятное условіе для развитія и даже возбужденія чувства любви. Но обязательною причиною для возбужденія чувства любви красота не является. Любовь, какъ мы видѣли, основывается на чувствѣ превосходства,— на требованіи нашей личной природы, на требованіи нашего я. Съ красотою общую не можетъ совмѣщаться требование нашей личности. И потому красота только поражаетъ.

Чувство, затронутое въ насъ красивымъ предметомъ, чувство пріятности и удовольствія, не терпитъ напряженія и скоро переходитъ въ равнодушіе. Это постоянный и непремѣнныи психоло-гическій законъ. Всякое удовольствіе, которое доставляетъ намъ красивый предметъ, перестаетъ быть удовольствіемъ, перестаетъ быть пріятнымъ, коль скоро источникъ удовольствія продолжаетъ свои операциі надъ нашими нервами. Вообразите себѣ какую-нибудь арію, сонату, романсь... Чудныя вибраціи звука, несущіяся по высокимъ сводамъ концертнаго зала и пріятно потрясающія барабанную перепонку вашего уха, безъ сомнѣнія, въ непродолжительномъ времени вамъ наскучатъ, даже болѣе—надоѣдуть, опротивѣются, если онъ будутъ раздаваться непрестанно, если онъ будутъ однообразны. Монотонная музыка органа, раздающаяся подъ куполомъ католического храма, скоро погружаетъ васъ въ глубокое уныніе. Вы выходите изъ храма съ тоскою, съ тяжелымъ чувствомъ и грустными думами, вовсе непохожими на тѣ, съ какими вы входили въ него, когда звуки органа вамъ казались божественными, восхищали васъ. Прекрасная картина, изображающая безконечную даль лазореваго неба, прибрежная гордые скалы и бѣдную хижину рыбака, заросшую роскошною растительностью, поразить васъ такъ сильно своею вѣрностю, натуральностью и простотою, что вы не въ состояніи первое время отвести отъ нея глазъ. Но картина приглядится и вы отойдете отъ нея со скучой: чего-нибудь получше захочется. Можетъ-быть она поразить васъ и во второй разъ и въ третій, но уже во всякомъ скучай не такъ, какъ въ первый.

Идемте далѣе. Свѣжій, здоровый, живительный, пріятный воздухъ южнаго берега Крыма восхитителенъ. Вы не можете надышаться. Ваши легкія широко раскрываются; нѣжныій морской вѣтеръ пріятно охватываетъ, обнимаетъ вашу горячую голову. Но что же?—не далѣе какъ черезъ недѣлю дышать вы начинаете пообыкновенному, а на морской вѣтеръ досадуете.

Когда вы приходите съ должности и садитесь за столъ обѣдать, пріятный запахъ супа и вкусный соусъ услаждаютъ васъ также не долго. Напитавшись, вы просите все это убрать и забываете, что четверть часа назадъ съ такою пріятностью и наслажденiemъ втягивали въ себя душистый паръ отъ супа и вкушали соусъ.

Всѣ эти прекрасные предметы, возбуждающіе въ васъ чувство пріятности и удовольствія, даже увлекающіе васъ, не теряютъ своей привлекательности, пока еще новы. Но обаяніе длится не долго.

Видѣ красивой женщины дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на ваши нервы. Вы не можете остаться къ ней равнодушными, потому что это живая красота. Но проснувшееся чувство будетъ не болѣе, какъ увлеченіе. Внѣшней красоты, красоты тѣла вы скоро не замѣчаете, не обращаете на нее вниманія, удовлетворяется.

Вращаясь въ обществѣ красивой женщины, вы скоро можете почувствовать скучу и досаду. Внѣшняя красота ея, подобно звѣздамъ небеснымъ, свѣтить, но не грѣть. Дурные привычки, душевная пустота, жесткость характера (а въ красавицѣ все это часто уживается вмѣстѣ) дадутъ себя почувствовать, оттолкнуть отъ нея. Увлеченіе внѣшнею красотою не пойдетъ дальше и, какъ увлеченіе, скоро совсѣмъ исчезнетъ. Сколько вы встрѣчаете около себя красавицъ, которая съются кругомъ удивленіе, однако сердце ваше остается нетронутымъ ихъ внѣшнею привлекательностью. Нѣтъ сомнѣнія, что вы можете полюбить всякую красавицу и при томъ самою крѣпкою любовью, но разъ ваше сердце, какъ говорится, занято или красавица духовнымъ складомъ своей личности требованіямъ вашего „гения рода“ не удовлетворяетъ, вы будете оставаться къ ней холодными. Эта живая красота въ лучшемъ случаѣ возбуждаетъ въ васъ чувство прекраснаго, доставляетъ вамъ эстетическое наслажденіе, въ худшемъ же пробуждаетъ вспышку чувственности, животное влеченіе, вожделеніе.

Употреблять въ этомъ случаѣ слово *любовь*, называть вообще этимъ словомъ всякую вспышку чувства — неосновательно и иелогично.

Какіе же, спрашивается, существенные выводы вытекаютъ изъ нашихъ разсужденій о любви? Думаемъ, что читатель догадается, когда мы представимъ ему тѣ мѣста изъ „Крейцеровой сонаты“, которыя имѣютъ отношеніе съ разбираемому вами предмету.

*) „Въ жизни бываетъ это предпочтеніе (любовь) одного передъ другими на года, что очень рѣдко, чаще на мѣсяцы, а то на недѣли, на дни, на часы“. (стр. 274 въ 13 ч.).

„Всякій мужчина испытываетъ то, что вы называете любовью, къ каждой красивой женщинѣ“. (стр. 275).

„Если допустить даже, что мужчина и предпочелъ бы известную женщину на всю жизнь, то женщина-то, по всѣмъ вѣроятіямъ, предпочтеть другого, и такъ было и есть на свѣтѣ“. (ibid).

„Любить всю жизнь одну или одного — это все равно, что сказать, что одна свѣтлая будешь горѣть всю жизнь“. (ibid).

„Я выражаютъ сомнѣніе въ существованіи любви кромѣ чувственной“. (стр. 276).

„Самая возвышенная, поэтическая, какъ мы ее называемъ, любовь зависитъ не отъ нравственныхъ достоинствъ, а отъ физической близости и притомъ прически, цвѣта, покрова платья“. (стр. 287).

„Нашъ братъ все вретъ о высокихъ чувствахъ; ему нужно только тѣло, и потому онъ проститъ всѣ гадости, а уродливаго, безвкуснаго, дурного тона костюма не простить“. (287—88).

„Моя любовь была произведеніемъ съ одной стороны дѣятельности мамаши и портнихъ, съ другой — избытка поглощавшейся мною нищи при праздной жизни“. (290).

„Не будь, съ одной стороны, катаний на лодкахъ, не будь портнихъ съ таліями и т. п., а будь моя жена одѣта въ несложный капотъ и сиди она дома, а будь я, съ другой стороны, въ нормальныхъ условіяхъ, человѣкъ, поглощающій нищи столько, сколько нужно для работы, и будь у меня спасительный клапанъ открыть, а то онъ случайно прикрылся какъ-то на это время, — я бы не влюбился и ничего бы отъ этого не было“. (ibid).

*) Просимъ читателя не забывать того, что это говорить самъ Позднышевъ, который не можетъ не быть пристрастнымъ къ самому себѣ и личность которого охарактеризована нами выше.

„Изъ страстей самая сильная, и злая, и упорная—половая, плотская любовь“. (стр. 298).

„Влюбленность (наша) истощилась удовлетворенiemъ чувственности“. (301).

„Предполагается въ теоріи, что любовь есть нѣчто идеальное, возвышенное, а на практикѣ любовь вѣдь есть нѣчто мерзкое, свиное, про которое и говорить и вспоминать мерзко и стыдно“ (304).

Что говорить намъ этими сентенціями герой разсказа?

1) То, что любовь вовсе не то, чѣмъ ее всѣ считаютъ, на дѣлѣ (въ жизни) это, оказывается, чувство временное, непостоянное, скоротечное.

2) Любовь есть всегда страсть, и страсть дикая, злая, упорная; любовь ничего болѣе не преслѣдуетъ, не ищетъ, какъ только удовлетворенія чувственныхъ потребностей, потому, коль скоро есть это удовлетвореніе, то любовь истощается, исчезаетъ.

3) Основною причиною для возникновенія любви служать прекрасныя виѣшнія формы тѣхъ субъектовъ, на которыхъ останавливается взоръ, хороший покрой платья, прическа, джерси, локоны, турнюры, физическая близость.

4) Чувство любви у мужчинъ пробуждается всякий разъ, какъ только онъ видитъ предъ собою красивую женщину.

5) Никакой другой любви (истинной половой, духовной), кроме чувственной, т.-е. любви къ чувственнымъ удовольствіямъ, нѣть.

6) Взаимной любви также нѣть и не можетъ быть.

Ни съ однимъ изъ этихъ пунктовъ мы согласиться не можемъ.

1. Мы подъ любовью разумѣемъ непремѣнный, обязательный законъ природы. Истинная половая любовь, какъ требование закона природы, существуетъ, каждый человѣкъ предрасположенъ полюбить крѣпко, сильно, нѣжно, до самопожертвованія. Примѣровъ того, что любовь—чувствство постоянное, упрямое, живучее, не искать стать. Каждый изъ насъ, оглянувшись вокругъ себя, увидитъ всю правдивость нашихъ словъ. Вспомните только своихъ родителей, какъ и Поздышевъ вспомнилъ: они всю жизнь любили и не измѣняли другъ другу. Говорить, что любовь есть чувство скоротечное, непостоянное, значитъ отрицать истинную половую любовь, а отрицать ее значитъ отрицать жизнь тысячи

нашихъ праородителей. Только, повторяемъ, не нужно смѣшивать этой любви, какъ чувства глубокаго, постояннаго, сильнаго, съ простою вспышкою чувственности, съ увлечениемъ, которое действительно кратковременно, не глубоко и не сильно. Мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ признать того, чтобы чувство, которымъ воспыпалъ Позднышевъ къ своей невѣстѣ, называлось любовью, какъ мы ее понимаемъ. Ихъ случайная встрѣча и катанье на лодкѣ, его рѣшеніе „вдругъ“ (стр. 285)—говорятъ намъ только объ увлечениіи. Обобщеніе Позднышева, что любовь всегда ограничена во времени, не логично, такимъ образомъ, потому, что идеть съ единичнаго и притомъ должно понятаго факта.

2. Любовь есть чувство законное, естественное, прекрасное. Страсть, страстная любовь будетъ уже извращеніемъ любви, а, следовательно, это не любовь. Любовь не истощается, а крѣпнетъ и развивается. Физическія общенія при такой любви имѣютъ замкнутую силу, освящаются, половыхъ же излишествъ, какъ чувство разумное, человѣческое, она не признаетъ и не допускаетъ. Половыя излишества мыслимы только при страсти, страстной любви, а страстную любовь мы считаемъ ненормальною любовью, увлеченіемъ.

3. Любовь не возникаетъ сразу и всегда обусловливается такъ называемымъ „духовнымъ сродствомъ“, которое Позднышевъ игнорируетъ, требованіемъ нашей односторонней организаціи, вообще обусловливается требованіями личнаго нашего духа. Физическая близость, паряды— пробуждаютъ только одни животные инстинкты, увлекаютъ тѣло, но пищи духу не даютъ и, следовательно, уже ни въ какомъ случаѣ любви зажечь не могутъ.

4. То чувство, которое испытываетъ мужчина при видѣ красивой женщины вообще, какъ мы видѣли, не можетъ называться любовью; въ лучшемъ случаѣ видѣ красивой женщины, живой красоты даетъ удовлетвореніе нашимъ эстетическимъ потребностямъ, въ худшемъ—пробуждаетъ животные инстинкты, заставляеть разыграться вожделѣнію. Любовь держится одного предмета и пущить не любить.

5. Очень злобно, но неразумно смѣется разсказчикъ надъ „духовною любовью“, основанною на „единствѣ идеаловъ“. Духовной любовью у насъ называютъ такую, которая связуетъ между собою

мужчину и женщину, соответствующихъ другъ другу по складу духовной природы и по духовному развитію, представляя такимъ образомъ гармоническое сочетаніе характеровъ. Мы же разъяснили, что корень любви, связующей мужчину и женщину, кроется единственно въ половомъ инстинкѣ, и что любовь, которая представить иллюстрацію типа и чудную гармонію половъ, будетъ истинною половою. Отсюда ясно, что понятіе *духовная любовь* и понятіе *истинная половая любовь* синонимальны. Определительное слово *духовный* употребляется здѣсь какъ бы затѣмъ, чтобы намекнуть на то, что истинная половая любовь, какъ лучшее удовлетвореніе чувству „гения рода“, священна, божественна, духовна. Такимъ образомъ, видимъ, что и духовная любовь не представляетъ изъ себя (какъ это думаетъ Позднышевъ) что-либо трансцендентное, потустороннее, а есть то, чѣмъ мы живы. Говорить же, что нѣтъ даже не только духовной, но и вообще никакой другой любви, кромѣ чувственной, т.-е., что есть только увлеченіе,—это тоже, что утверждать, будто нѣтъ ни неба, ни земли, ни людей, ни звѣрей, ничего... Новость мысли, пожалуй, поразить васъ, и вы на секунду задумаетесь, потому что чего же нельзя представить, вообразить!? Но въ другую секунду вы вполнѣ убѣдитесь, что все это существуетъ.

6. Не решаемся распространяться насчетъ этого пункта, потому что очевидная ложность этого положенія говоритъ сама за себя. Увлеченія взаимнаго дѣйствительно можетъ не случиться, но мы говоримъ здѣсь не про увлеченіе, а про любовь.

Постараемся пояснить теперь, почему же возникли у Позднышева такія странныя мысли, такъ извратились понятія о любви. Какъ это могло случиться? Вѣдь онъ все-таки человѣкъ умный, разсудительный, здравомыслящий; отрицать этого нельзя, потому что разсканщикъ обнаруживаетъ массу наблюдательности, много обдуманности и логичности въ своихъ разсужденіяхъ.

Холостая жизнь развила въ немъ половыя стремленія, страсть къ половымъ излишествамъ, короче, подготовила ко времени женитьбы изъ него блудника, но совсѣмъ тѣмъ она не могла заглушить въ немъ способности влюбиться, и онъ безсознательночувствовалъ это, безсознательно понималъ, что любовь, настоящая любовь есть что-то возвышенное такое. Въ немъ слились, такъ

сказать, двѣ способности: любви и похоти, и за сліяніемъ ихъ онъ не могъ догадаться, какое именно чувство пробуждалось въ немъ, когда онъ катался со своей будущей супругой на лодкѣ, похоть ли въ сильнѣйшей степени, или дѣйствительно любовь. Самъ Позднышевъ утверждаетъ, что онъ былъ „влюбленъ“ (стр. 204). Не вѣримъ этому,—это была не любовь, а похоть. Самъ же онъ говоритъ при этомъ, что будь у него „спасительный клапанъ“ открытъ, а то онъ на это время случайно прикрылся, и не будь у его невѣсты того, что возбуждающимъ образомъ подѣйствовало на его нервы, то онъ не влюбился бы. Стало-быть, обстоятельства, которыя обусловливали его чувство, были обстоятельствами, которыя обусловливаютъ чувственныя стремленія, вождѣлѣніе, увлеченіе. Ошибочному заключенію Позднышева, будто чувство его къ невѣстѣ была любовь, способствовало то, что молодые люди кружка, въ которомъ онъ „гваздался“, влюблялись и женились точно такъ же, какъ и онъ: по увлеченію, по неосторожности, нечаянно, случайно. А этого было достаточно для обобщенія, потому что обобщенія Позднышевъ ведеть съ частныхъ фактovъ, съ того, что онъ видѣлъ предъ своими глазами. Страшно негодящій на всѣхъ и вся, онъ въ своихъ обобщеніяхъ *счелъ доломъ* игнорировать исключительность своего кружка и его стадные ошибки. Онъ какъ бы совершиенно забылъ про другой міръ, про жизнь миллионовъ людей. Что мы видимъ, что слышимъ, о чёмъ говоримъ, чѣмъ дышемъ, живемъ, неужели все это вздоръ? Нѣтъ, это вздоромъ кажется одному только Позднышеву, который судить о всемъ по себѣ и по своимъ пріятелямъ.

И немудрено потому, что разсужденія Позднышева такъ поражаютъ своими странностями. Они напоминаютъ памъ бредъ психически-разстроеннаго человѣка, маніака, которому однъ разъ кажется, что всѣ люди умерли, между тѣмъ какъ все дѣло только въ томъ, что онъ идетъ по пустынной улицѣ; другой разъ представляется, что весь Божій міръ объятъ пламенемъ, горитъ, тогда какъ пылаетъ только спичка у него въ рукахъ; третій разъ всѣ люди ему кажутся убийцами, деспотами, преступниками, благодаря тому, что, проходя садомъ, онъ замѣтилъ, какъ какой-то господинъ раздавилъ букашку и даже не обратилъ на это вниманія... Позднышева окрестилъ кто-то душевно-больнымъ. Согласиться съ

этимъ, пожалуй, и можно, но гдѣ же тогда мораль-то въ повѣстіи? Нѣть, Позднышевъ здоровъ, только черезчуръ увлекся и изъ мухи слона сдѣлалъ. Увидавъ бурю въ стаканѣ своей жизни, онъ испугался за весь міръ и обратился къ нему съ предостереженіемъ, граничащимъ съ проклятиемъ, чтобы всѣ встали свои корабли на берегъ.

IV.

Нашъ организмъ построенъ такъ, что требуетъ для своего благосостоянія постоянного, систематического подкрѣпленія: мы ъдимъ, пьемъ, ходимъ, спимъ, отправляемъ. И дѣлать это намъ надо необходимо—таково требование закона природы, управляющаго нашей жизнью. Исполненіе требованій всѣхъ естественныхъ законовъ, которыми управляется наша жизнь, лежитъ на нашей непосредственной обязанности. Пренебрежемъ имъ, наша жизнь можетъ прекратиться, мы можемъ умереть, а если умремъ чрезъ собственное небреженіе, то согрѣшимъ противъ природы, которой наше существованіе нужно для скрытыхъ отъ насъ пока цѣлей. Человѣкъ долженъ, если можетъ, исполнять безпрекословно все, что только является требованіемъ непреложныхъ законовъ природы, для того, чтобы не подпасть грѣху.

Половыя влечения, существующія между мужчиной и женской, и физическая общенія, какъ необходимое послѣдствіе и цѣль этихъ влечений, не создаются людьми. Они также являются прямыми требованіями закона природы, простирающаго въ данномъ случаѣ власть свою едва ли не на всѣхъ живыхъ существѣ, одаренныхъ движеніемъ. Разъ это требование закона природы, то возможно ли отклоняться отъ него? Безъ сомнѣнія, нѣтъ: мы не имѣемъ на это права,—всякое отклоненіе будетъ противоестественнымъ, незаконнымъ, ненормальнымъ. Удерживать себя абсолютно отъ половыихъ влечений, поставить себѣ это прямую задачу—дѣло неестественное. Половое влечение дано намъ какъ средство зародить способностью жизни другихъ, еще не существующихъ, но существованіе которыхъ зависитъ отъ насъ. Природа поняла эту зависимость и вложила потому въовое влечение непрео-

долимую силу. Отдаваться половому влечению мы обязаны, потому что въ противномъ случаѣ, т.-е. если мы вздумаемъ не отдаваться, мы при всей нашей возможности дать жизнь другому не дадимъ ея. Поставивъ задачею своей жизни абсолютное безбрачіе, а слѣдоват., осколивъ себя, мы тѣмъ самыми зароемъ въ землю прекрасный даръ, данный намъ Богомъ, лишивъ возможности другихъ полюбоваться имъ. Это грубый эгоизмъ. А по учению „Крейцеровой сонаты“ выходитъ, что такъ надо дѣлать. Вотъ что, напримѣръ, говорить Позднышевъ про физическое обѣщаніе въ брачной жизни.

„Нѣтъ, я вамъ скажу напротивъ, что я пришелъ къ убѣжденію, что это (половое общеніе въ брачной жизни) *не...* естественно. Да, совершенно *не...* естественно. Спросите у дѣтей, спросите у не развращенной дѣвушки“. (стр. 297 въ 13 ч.).

„Вѣдь не даромъ же природа сдѣлала то, что это мерзко и стыдно. А если мерзко и стыдно, то такъ и надо понимать“. (304).

Будемте же понимать это прямо. Что же выйдетъ? Что неестественно и за что стыдно, того не должно дѣлать, потому что надо дѣлать только то, что естественно и передъ чѣмъ не стыдно.

Если мы не будемъ вступать въ половыя общенія даже и въ брачной жизни, то выйдетъ изъ этого то, что мы умремъ, и родъ человѣческій прекратить свое существованіе. О прекращеніи человѣческаго рода мы будемъ говорить ниже... Теперь же скажемъ, что сдѣлавъ то, что Позднышевъ считаетъ естественнымъ, мы придемъ въ концѣ концовъ къ тому, чего не должно быть: мы не дадимъ другимъ существамъ жизни, которую сами получили даромъ.

Гдѣ же правда? Согласно указанію Позднышева, спросимъ у дѣтей, спросимъ у не развращенной дѣвушки.... Дѣти, оказывается, еще ничего этого не понимаютъ.

Вѣдь спрашивать-то надо у маленькихъ дѣтей, семи-восьми-дѣтнихъ, потому что дѣти постарше, по мнѣнію Позднышева, уже развращены, или. Остается только „пожать плечами, да развести руками“, какъ говорить г. Протопоповъ. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ указаніе Позднышева на дѣтей? Спрашивать о томъ, что естественно и что не естественно, есть резонъ у тѣхъ, у кого пробудилось сознаніе, поступки которыхъ критикуются.

разсудкомъ, а известно каждому, что дѣти вообще живутъ безсознательно жизнью. Но въ сторону это, обратимся къ не развращенной дѣвушкѣ.

„Дѣвушка чистая,—отвѣчаетъ намъ за нее самъ Позднышевъ,—желаетъ одного—дѣтей“. „Крейцеровой сонаты“, изданіе Библиографического Бюро въ Берлинѣ).

Законно ли желаніе имѣть дѣтей, а, слѣдоват., родить и носить? Естественно ли оно? Въ этомъ смыслѣ Позднышевъ даетъ намъ слѣдующее, замѣчательное въ данномъ случаѣ, изреченіе:

„Вѣдь только подумать, какое великое дѣло совершается въ женщинахъ, когда она понесла плодъ или когда кормить родившагося ребенка. Растетъ то, что продолжаетъ, замѣняетъ нась. И это-то святое дѣло нарушается“... (стр. 306 въ 13 ч.).

Если дѣло это святое и великое, то желаніе его законно и естественно. Почему же неестествененъ тотъ единственный путь, который ведеть къ этому великому и святыму дѣлу? какъ же помирить то, что половое общеніе ни въ какомъ случаѣ—ни въ бракѣ, ни, тѣмъ болѣе, вѣнѣ его—неестественнѣ, съ тѣмъ, что желаніе имѣть дѣтей и самое кормленіе и ношеніе—естественны? Вѣдь это все равно, кажется, что говорить, будто бы хлѣбъ есть естественно, а землю пахать не естественно. Умъ расходится отъ такой несообразности. Признаемъ, что желаніе имѣть дѣтей естественно (а это признаетъ даже и самъ Позднышевъ), почему же, спрашивается, половое общеніе не естественно? Что дало поводъ Позднышеву прийти къ такому заключенію? Очевидно, понимать это прямо, какъ сказано и какъ совѣтуетъ Позднышевъ, невозможно, надо рыться.

Нѣкоторыя другія разсужденія Позднышева, касающіяся прямо и косвенно этого пункта, проливаютъ свѣтъ на вышесказанную несообразность.

„Развратъ вѣдь не въ чемъ-нибудь физическомъ,—вѣдь никакое безобразіе физическое не развратъ,—а развратъ, истинный развратъ, именно въ освобожденіи себя отъ нравственныхъ отношеній къ женщинѣ, съ которой входишь въ физическое общеніе“. (стр. 279 въ 13 ч.).

„Если человѣкъ еще думалъ о воздержаніи, будучи холостымъ, то, женившись, считаетъ, что теперь воздержаніе уже не нужно“. (300).

„Но нравственный законъ самъ за себя отплачиваетъ, когда нарушить его. Сколько я ни старался устроить себѣ медовый мѣсяцъ, ничего не выходило. Все время было гадко, стыдно и скучно“. (*ibid.*).

Такимъ образомъ, выходитъ, по словамъ самого же проповѣдника, что развратъ, собственно, заключается не въ физическомъ общеніи, а въ освобожденіи себя отъ нравственныхъ отношеній къ той женщинѣ, съ которой вступаешь въ общеніе. Но нравственный законъ, какъ и всегда, не остается въ долгу и казнить развратъ тѣмъ, что общающемся дѣлается „гадко, стыдно и скучно“. Нравственный законъ казнить за развратъ, а развратъ этотъ не въ половомъ общеніи, а въ освобожденіи общающагося отъ нравственного отношенія, отъ нравственного долга, — слѣдовательно... за что же стыдно-то бываетъ? За попраніе долга, но отнюдь не за физическое общеніе, какъ таковое.

„Ей было грустно, тяжело. Вѣроятно ея измученные первы подсказали ей истину о гадости нашихъ сношеній“. (стр. 300).

„Животныя какъ будто знаютъ, что потомство продолжаетъ ихъ родъ, и держатся извѣстнаго закона въ этомъ отношеніи. Только человѣкъ этого знать не знаетъ и не хочетъ“. (306).

Эти доводы еще болѣе убѣжддаютъ насъ въ томъ, что нравственный законъ отплачиваетъ за пренебреженіе нравственными обязанностями. Да и какъ же онъ не будетъ отплачивать, когда бѣдная супруга героя забеременѣла въ первый же мѣсяцъ, а ихъ „свиная“ связь продолжалась? Потому и стыдно было, и стыдно было за отступленіе, за то, что Позднышевы не держались въ половыхъ сношеніяхъ того закона, котораго держатся животныя, за то, что они не хотѣли звать мѣры въ половыхъ общеніяхъ, за то, что они предавались половыми излишествамъ.

Теперь намъ становится яснымъ, какъ слѣдуетъ понимать мнѣніе Позднышева о неестественности половыхъ общеній даже и въ брачной жизни. Онъ самъ же утверждаетъ, что въ половомъ общеніи нѣтъ разврата, что надо только держаться извѣстнаго закона въ этомъ отношеніи. И надо полагать, что если нравственные отношенія и извѣстный законъ въ половыхъ общеніяхъ соблюдены, то въ половыхъ общеніяхъ не должно быть разврата, а слѣдовательно и того, что Позднышевымъ было „гадко, стыд-

но и скучно". Таковы требование здравой логики. А если не быть разврата и стыда, то такъ и надо понимать. Все то, что совершается легко, пріятно, безъ стыда, все это естественно. Такъ, напримѣръ, „естественно ъсть. И ъсть радостно, легко, пріятно и не стыдно съ самаго начала“.

Такимъ образомъ, мы пришли къ признанію того, что при соблюдении известныхъ условий физическое общеніе—дѣло естественное. Но, все-таки, каково же оно само-то по себѣ? Какъ физическое, какъ требование закона—естественно. Потому заявленіе Поздняшева о томъ, что физическое половое общеніе неестественно и въ брачной жизни, нужно понимать такъ: половое общеніе вообще естественно, но бываютъ случаи, когда, оно становится неестественнымъ. А если это такъ, то разглагольствованія Поздняшева—только праздная болтовня, потому что это знаютъ всѣ и безъ него. При половыхъ излишествахъ нарушается законъ природы. Отсюда половыя излишества неестественны, а черезъ это и самое такое половое общеніе мерзко. Это походитъ на то, что пища, которую человѣкъ употребляетъ, требуется самимъ организмомъ для его благополучія, и потому ъсть вообще пріятно, естественно. Но если вы будете кушать слишкомъ много, то вамъ скажутъ, что вы безобразничаете, потому что это уже будетъ злоупотребленіе закона, обжорство. Что же не естественно?—ъсть болѣе того, чѣмъ потребно для организма.

Что же касается до стыда, который, къ дѣлу сказать, является всегда, даже въ самыхъ честныхъ, нравственныхъ, законныхъ бракахъ, то онъ указываетъ намъ только на мудрость нашего Творца. Стыдъ этотъ какъ бы служить предостереженiemъ отъ ниспаденія до степени животнаго, указываетъ намъ на нашъ нравственный долгъ.

V.

Приступимъ теперь къ разбору главной части новаго ученія гр. Толстого, къ разбору *вопроса о бракѣ и безбрачіи*. Мы употребляемъ не совсѣмъ благопристойное выраженіе. Что такое бракъ и что такое безбрачіе—для насъ, православныхъ христіанъ, это

не составляетъ вопроса, какъ не составляетъ вопроса заповѣдь о любви къ ближнему: все это преподано намъ божественнымъ Христомъ. Но гр. Толстой остановился съ недоумѣніемъ надъ учениемъ Христа о бракѣ, а остановившись съ недоумѣніемъ, призналъ необходимымъ поставить надъ нимъ знакъ вопроса. Нашею задачею въ данномъ случаю будетъ указать на то, дѣйствительно ли выводы гр. Толстого, про которые онъ говоритъ, что они „согласны съ прогрессомъ человѣчества“ и есть „неизбѣжные выводы изъ ученія Евангелія“ (стр. 375 въ 13 ч.), согласны съ прогрессомъ человѣчества и съ тѣмъ, о чёмъ учила нашъ Спаситель.

Выше мы уже говорили, что мужчина и женщина созданы по своей природѣ такъ, что взятые въ отдѣльности представляютъ нечто неполное, нецѣлое, одностороннее. Предоставленный исключительно самому себѣ, безъ союза и взаимодѣйствія съ другимъ, каждый полъ съ теченіемъ времени ухудшается, развивая своюственную ему односторонность. Между людьми не даромъ не пользуются почетомъ такъ называемые „дѣвственники“. Встрѣчая „старого холостяка“, мы выносимъ изъ его общества непріятное, грустное впечатлѣніе. Дѣло естественное, потому что въ образѣ „старого холостяка“ намъ является всегда человѣкъ грубый, черствый, желчный, унылый... „Старая дѣва“ поражаетъ насъ своею истеричностью, сентиментальностью, восторженностью, отсутствиемъ логического мышленія, слабостью характера. Мудрая природа открыла человѣку тайну лучшаго средства въ развитіи его личности, указавъ ему въ его товарищѣ по жизненному пути источникъ къ пополненію недостатковъ его организаціи. Понятіе о сущности брака и брачной жизни вытекаетъ, такимъ образомъ, изъ понятія о стремлѣніи двухъ различного пола индивидуальностей къ единенію, къ составленію типа. Семейная жизнь называется „школою людей“ — въ этомъ опредѣленіи глубокій смыслъ и сущая правда.

Кромѣ развитія личности, брачная жизнь преслѣдуется и другую не менѣе важную цѣль: рожденіе и воспитаніе дѣтей. Если посмотретьъ на послѣднюю задачу съ высшей, философской точки зреянія, то можно не задумываясь сказать вмѣстѣ съ апостоломъ, что „тайна сія велика есть“. Какъ всецѣло въ рукахъ огород-

ника возвращение овощей того или иного достоинства, такъ точно воспитаніе будущихъ сыновъ міра—въ абсолютной власти супругъ. Прогрессъ и развитіе общества поконится, а слѣдовательно и мыслится только на развитіи и прогрессѣ его членовъ, вся жизненность которыхъ зависитъ отъ жизненности семьи. Такимъ образомъ, прогрессъ общества идеть рука объ руку съ прогрессомъ семьи, этого центра общественнаго строя.

Такое и не иное значеніе имѣть христіанская православная семья. У богослова Покровскаго мы читаемъ слѣдующее: „Служа началомъ и основаніемъ гражданской общественной жизни, семейство имѣть и самостоятельное, независимое отъ государства, значеніе: оно является также разсадникомъ царства Божія на землѣ, членовъ церкви Христовой. Въ христіанствѣ каждый членъ семьи (мужчина и женщина) имѣть одну цѣль и назначеніе,—всѣ одинаково призываются быть членами царства Христова. Благочестивое семейство, воспитывая добрыхъ и благочестивыхъ членовъ церкви, даетъ ей всѣ необходимыя условія для ея благосостоянія и процвѣтанія. Церковь Христова, имѣющая цѣллю своею просвѣтить христіанствомъ всѣ народы, только въ той мѣрѣ достигаетъ этой цѣли, въ какой она способствуетъ проникновенію духа христіанскаго ученія въ семейство. На семействѣ основывается твердость церкви. Исторія показываетъ, что въ времена, когда религіозная жизнь ослабѣвала и погасала въ обществахъ, въ семье сохранялся еще священный огонь, свѣтъ и теплота котораго постепенно проникали и въ общество, и такимъ образомъ оживляль и возраждалъ угасавшую было жизнь общества. Семья и церковь, во взаимномъ единеніи между собою, даютъ основу и твердость всему нравственному міру. Каждое обновленіе народной жизни, каждая коренная реформа должны выходить главнымъ образомъ и прежде всего изъ этихъ сферъ жизни.

Семейство является неразрушимымъ принципомъ и для государства. Любовь къ семейному, домашнему очагу расширяется до любви къ отечеству, которая готова принести величайшія жертвы, даже самую жизнь за Бога и законъ, родителей, жену и дѣтей, братьевъ и всѣхъ своихъ соотечественниковъ. Напротивъ, если въ самомъ семействѣ искажены главныя начала жизни, если

испорчено это зерно общественного развитія и порядка, то сколько бы ни творили мы искусственныхъ формъ, онѣ не приведутъ съ собою здоровой жизни для общества, не упрочатъ его благосостоянія. Помимо семейства, помимо воспитанія невозможно устроить на прочныхъ основаніяхъ общественный и государственный порядокъ". (стр. 314—315 въ „Нравств. Богословіи“ А. Попковскаго).

Что дѣйствительно супружеская семейная жизнь есть единственное назначеніе человѣка, на это указываетъ и Священное писаніе многими своими мѣстами. Такъ, еще передъ созданіемъ нашей прародительницы Богъ, какъ бы указывая Адаму на половинчатость его природы, сказалъ: „не хорошо быть человѣку одному; сотворимъ ему помощника, соотвѣтственного ему“. (Бытія 2, 8).

Далѣе, на высказанное нами значеніе брачной жизни въ смыслѣ рожденія и воспитанія будущихъ членовъ общества указываютъ слѣдующія слова въ книгѣ Бытія: „и сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его, мужа и жену сотвори ихъ: и благослови ихъ Богъ, глаголя: раститесь и множитесь, и наполните землю и господствуйте ею“. (Быт. 1, 27, 28).

Эти слова прямо говорять намъ, и мы прямо понимаемъ, что бракъ былъ установленъ еще въ раю.

Перелистнувъ нѣсколько страницъ книги Бытія, мы читаемъ законъ брака, изреченный Адамомъ, по вдохновенію отъ Святаго Духа: „оставитъ человѣкъ отца и матерь и прильпнется къ женѣ своей, и будета два въ плоть едину“. (Быт. 2, 23, 24).

Въ Новомъ Завѣтѣ изъ устъ божественнаго Учителя мы слышимъ вновь утвержденіе изреченаго Адамомъ закона брака. На этотъ разъ говорить самъ Господь Спаситель, и потому нѣть возможности усомниться въ дѣйствительной святости этого закона. На вопросъ искушавшихъ Его фарисеевъ, по всякой ли причинѣ позволительно человѣку разводиться съ женою своею, Господь сказалъ въ отвѣтѣ: „не читали ли вы, что сотворившій въ началѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ, и сказалъ: посему оставитъ человѣкъ отца и матерь и прильпнется къ женѣ своей, и будутъ два одною плотью? Такъ что они уже не двое, но одна плоть. Итакъ, что Богъ сочetalъ, того человѣкъ да не разлучаетъ“. (Матѳ. 19, 34—36).

Вчитавши с глубже въ евангельское учение, мы не находимъ ни одного мѣста, ни одного слова, которое противорѣчило бы только-что сказаннымъ словамъ Христа. При самомъ вступлении на поприще служенія человѣческому роду Учитель почтилъ своимъ присутствіемъ бракъ въ Канѣ галилейской. Помимо самого присутствія своего на брачномъ пиру, Христосъ совершилъ здѣсь также и первое свое чудо—обстоятельство, которое не имѣть другого значенія, кромѣ санкціи брачныхъ радостей. Вѣроятно еще въ то время въ головѣ Спасителя проносилась уже мысль о вѣчности земной жизни: „какъ во дни передъ потопомъ ъли, или, женились и выходили замужъ,—такъ будетъ и въ пришествіе Сына Человѣческаго“. (Марка 12, 25). Могъ ли Онъ потворствовать и освящать то, что бы считалъ дѣломъ постыднымъ, недостойнымъ человѣка, паденіемъ? Не сказалъ ли бы Онъ прямо, что истинные ученики Его не должны вести нечистой, грѣховной брачной жизни? За освященіемъ брачнаго союза въ Канѣ галилейской Христосъ благословилъ и плодъ этого союза—дѣтей. „Тогда (послѣ бесѣды о бракѣ) приведены были къ нему дѣти, чтобы Онъ возложилъ на нихъ руки и помолился; ученики же возбраняли имъ. Но Иисусъ сказалъ: пустите дѣтей, и не препятствуйте имъ приходить ко мнѣ; ибо таковыхъ есть царство небесное. И, возложивъ на нихъ руки, пошелъ оттуда“. (Мате. 19, 13—15).

Видимъ, что и Христосъ смотрѣтъ на бракъ и брачную жизнь, какъ на дѣло великое, святое, какъ на назначение человѣка.

Высказывая запрещеніе разводиться съ женой кромѣ вины любодѣянія, божественный Учитель тѣмъ самымъ придалъ браку такое великое значеніе и въ брачной жизни указалъ столь трудную и серьезную задачу, что привелъ учениковъ Своихъ въ недоумѣніе. „Если такова обязанность человѣка къ женѣ,—говорять они,—то лучше не жениться“. На это Христосъ сказалъ: „не всѣ вмѣщаются слово сие, но кому дано. Кто можетъ вмѣстить, да вмѣстить“. (Мате. 19, 10—12). Апостолъ Павель также отдаетъ предпочтеніе дѣству передъ бракомъ: „А о чемъ вы писали ко мнѣ (отвѣчаетъ онъ Коринѳянамъ), то хорошо человѣку не касаться женщины“. (1 Коринѳ. 7, 1). „Ибо желаю, чтобы всѣ люди были, какъ и я (дѣственники); но каждый имѣть свое дарованіе отъ Бога, одинъ такъ, другой иначе“. (ibid., стихъ 7).

Но и Христосъ, а за Нимъ и апостолъ понимаютъ это безбрачіе исключительно, какъ особый даръ. Не безразсудно ли, въ самомъ дѣлѣ, стремиться, наприм., сдѣлаться художникомъ, не обладая способностью въ этомъ искусствѣ? Не безразсудно ли также ставить своимъ идеаломъ безбрачіе, когда для достиженія его нужны особо дарованныя силы? А есть эти силы въ человѣкѣ, онъ скажутся. Онъ заявять о себѣ и въ томъ случаѣ, если онъ будетъ ставить назначеніемъ своей жизни бракъ, семью. Слѣдовательно, и съ этой стороны нѣтъ надобности измѣнять общій законъ брака.

По отношенію къ вопросу о бракѣ и безбрачіи гр. Толстой лично высказывается такъ.

„Достиженіе цѣли соединенія въ бракѣ или внѣ брака съ предметомъ любви, какъ бы оно ни было опоэтизировано, есть цѣль недостойная человѣка, также какъ недостойна человѣка, представляющаяся многимъ людямъ высшимъ благомъ, цѣль приобрѣтенія себѣ сладкой и изобильной пищи.

„Цѣль достойная человѣка — служеніе ли человѣчеству, отечеству, наукѣ, искусству ли (не говоря уже о служеніи Богу), какая бы она ни была, если только мы считаемъ ее достойною человѣка, не достигается посредствомъ соединенія съ предметомъ любви въ бракѣ или внѣ его, а напротивъ влюблениѳ и соединеніе съ предметомъ любви (какъ бы ни старались доказывать противное въ стихахъ и прозѣ) никогда не облегчаетъ достижени¤ достойной человѣка цѣли, но всегда затрудняетъ его“. (стр. 374 въ 13 ч.).

„Идеаль Христіанія есть любовь къ Богу и ближнему, есть отреченіе отъ себя для служенія Богу и ближнему; плотская же любовь, бракъ есть служеніе себѣ и потому есть, во всякомъ случаѣ, препятствіе служенію Богу и людямъ, и потому — съ христіанской точки зрењія — паденіе, грѣхъ.

„Вступленіе въ бракъ не можетъ содѣйствовать служенію Богу и людямъ даже въ томъ случаѣ, еслибы вступающіе въ бракъ имѣли цѣллю продолженіе рода человѣческаго. Такимъ людямъ вмѣсто того, чтобы вступать въ бракъ для произведенія дѣтскихъ жизней, гораздо проще поддерживать и спасать тѣ миллионы дѣт-

скихъ жизней, которые гибнутъ вокругъ нась отъ недостатка не говорю уже—духовной, но материальной пищи.

„Только въ томъ случаѣ могъ бы христіанинъ безъ сознанія паденія, грѣха вступить въ бракъ, еслибъ онъ видѣлъ и зналъ, что всѣ существующія жизни дѣтей обезпечены“. (стр. 380).

Что же выходитъ изо всего этого? То, что:

1) Идеалъ христіанина заключается въ любви къ Богу и ближнему.

2) Служеніе Богу и ближнему исключаетъ служеніе себѣ, семья исключаетъ служеніе ближнему.

3) Нельзя вступать въ бракъ для продолженія человѣчества, потому что вокругъ нась есть бѣдныя дѣти.

4) Вообще цѣль продолженія человѣчества недостойна человѣка по сравненію съ другими цѣлями — служенія искусству, науки, отечеству.

5) Семейная обстановка исключаетъ возможность достижениія этихъ цѣлей.

Такъ ли все это?

1. Идеалъ христіанина не заключается въ любви къ Богу и ближнему, не заключается также и въ бракѣ или безбрачіи. Понятіе о христіанскомъ идеалѣ гораздо шире. Въ чёмъ же, однако, онъ состоитъ? Отвѣтить не затруднимся. „Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“ (Мате. 5, 46), говоритъ Христосъ, указывая намъ на нашъ идеалъ. Понятіе о совершенствѣ не ново для нась, и мы знаемъ, что оно состоитъ въ укрѣпленіи благихъ началъ, требуетъ отъ человѣка всестороннаго развитія данныхъ ему силъ. Постепенное прогрессивное самосовершенствованіе — вотъ истинная задача жизни всякаго исповѣдующаго христіанскую религію. Въ брачной жизни, исполненной терпій, превратностей и испытаній, въ единеніи мужчины и женщины мы видимъ единственный, прямой, естественный путь, который можетъ вести нась по направленію къ упомянутому идеалу.

Толстовскій идеалъ любви къ Богу и ближнему приводить къ отрицанію брачной жизни. Отрицая же брачную жизнь, мы придемъ къ отрицанію прогресса и, слѣд., къ отрицанію христіанскаго идеала. Толстовскій идеалъ ведетъ, такимъ образомъ, къ разложенію общества, къ разъединенію.

2. На служение Богу, которое выше всякаго другого, нужны особо дарованныя силы, особый извѣстный даръ. Служеніе же нашему ближнему не исключаетъ служенія себѣ. Божественный Учитель говоритъ намъ: „люби ближняго твоего, какъ самого себя“. (Мате. 22, 39). Этю заповѣдью Христосъ указываетъ на то, что мы должны прежде полюбить, а слѣд. и послужить себѣ, что только при этомъ условіи можетъ создаться любовь и служеніе ближнему. Любовь и служеніе самому себѣ выражаются въ постоянномъ совершенствованіи; любовь и служеніе ближнему выражаются въ развитіи добрыхъ началь въ будущихъ членахъ общества. Это будетъ служеніе нашимъ ближнимъ непосредственное, а *чрезъ дѣтей*. Непосредственное служеніе обществу, личное служеніе, которое во всякомъ случаѣ мельче, ниже первого, *чрезъ посредственного* служенія, потому что зиждется главнымъ образомъ только на материальной помощи, также не исключается семейною жизнью. Что это такъ, обратимся къ самому же графу Толстому. За нѣсколько лѣтъ до появленія „Крейцеровой сонаты“ онъ говорилъ о трудѣ мужчины и женщины въ томъ смыслѣ, что первый призванъ на непосредственное, но не столь глубокое служеніе, а вторая призвана къ чрезпосредственному служенію, но служенію глубокому. „Призваніе всякаго человѣка, мужчины и женщины, состоитъ въ томъ, чтобы служить людямъ. Служеніе человѣчеству само собою раздѣляется на двѣ части: одно—увеличеніе блага въ существующемъ человѣчествѣ, другое—продолженіе самого человѣчества. Къ первому призваны преимущественно женщины, такъ какъ исключительно онѣ способны къ нему. Этого различія нельзя, не должно и грѣшно не помнить и стирать. Изъ этого различія вытекаютъ обязанности тѣхъ и другихъ,—обязанности, не выдуманныя людьми, но лежащія въ природѣ вещей. Призваніе мужчины многообразнѣе и шире, призваніе женщины однообразнѣе и уже, но глубже, и потому всегда было и будетъ то, что мужчина, имѣющій сотни обязанностей; измѣнившіи одной, десяти изъ нихъ, остается недурнымъ, невреднымъ человѣкомъ, исполнивъ большую часть своего призванія. Женщина же, имѣющая малое число обязанностей, измѣнившіи одной изъ нихъ, тотчасъ же нравственно падаетъ ниже мужчины, измѣнившаго девятыи изъ сотни своихъ обязанностей.

Таково всегда было общее мнѣніе и таково оно всегда будетъ, потому что такова сущность дѣла. Мужчина, для исполненія воли Бога, долженъ служить ему и въ области физического труда, и мысли, и нравственности: онъ всѣми этими дѣлами можетъ исполнить свое назначение. Для женщины средства служенія Богу суть преимущественно и почти исключительно *дѣла*, потому что, кромѣ нея, никто не можетъ этого сдѣлать. Только чрезъ *дѣла* *свои* (значитъ, непосредственно) призванъ служить Богу и людямъ мужчина; только чрезъ дѣлъ своихъ (значитъ, чрезпосредственно) призвана служить женщина". (стр. 468 въ 12 ч.).

3. Мнѣніе Толстого о томъ, будто бы вокругъ насъ гибнутъ миллионы дѣтскихъ жизней отъ недостатка материальной пищи, идеализировано до ложности. Каждый изъ насъ знаетъ, что этихъ гибнущихъ какая-нибудь сотня, и каждый увѣренъ, что ихъ и одного не будетъ около него, если, „измѣнившись девяты изъ сотни своихъ обязанностей“, онъ направить свою дѣятельность на доставленіе этимъ гибнущимъ бѣднякамъ потребной пищи. И бракъ останется неприкосновеннымъ.

За несостоятельностью этого аргумента въ пользу абсолютного безбрачія кроется еще нечто другое. Не будь этого „другого“, упомянутый аргументъ, вѣроятно, не появился бы на страницахъ „Крейцеровой сонаты“. Что же это? Желаніе скорѣйшей смерти человѣчеству. Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ свою дѣятельность на гибнущіе вокругъ насъ миллионы, но поступимъ такъ, какъ написано, согласно всей строгости требованій гр. Толстого. Умертвимъ всѣ нервы нашей грубой, сильной, упорной половой страсти, бросимъ семейную жизнь и перестанемъ устраивать браки. Все это будетъ во имя человѣчества, но... результатъ-то едва ли будетъ хорошъ и прекрасенъ. Что же будетъ? А будетъ то, что мы потеряемъ способность производительности, и родъ человѣческій прекратится прежде, чѣмъ достигнетъ чего бы то ни было. Вотъ что это другое. Что достойнѣе—жизнь или смерть—представляемъ судить читателю; но Толстому же выходитъ, что смерть достойна быть цѣлью человѣческаго существованія, жизнь же и продолженіе человѣческаго рода есть цѣль недостойная человѣка.

4. Служеніе человѣчеству черезъ дѣлъ выше служенія всякоаго рода наукамъ и искусствамъ, это служеніе (послѣ служенія

Богу) есть единственная достойная человѣка цѣль. Всякій другой трудъ, всѣ науки и искусства и даже государство и отечество—все это имѣть своимъ центромъ семью, все это возводится къ ней, подобно радиусамъ. Отнимите это служеніе отъ человѣка, какъ Толстой его отнимаетъ, предъ очи ваши предстанетъ смерть, всѣ труды, науки и искусства, государственный порядокъ, задачи отечества падутъ, какъ падаетъ тяжесть, лишившись точки опоры. Поэтому намъ даже странно слышать такую логику, по которой считается достойною цѣлью то, что въ дѣйствительности только служить, а не господствовать, по которой считаются достойною цѣлью науки и искусства, мыслимыя только тогда, когда есть люди, при существованіи ихъ, и считается недостойною цѣлью жизнь этихъ людей, самое существованіе ихъ, безъ котораго всѣ науки и искусства—нуль.

5. Непонятно, откуда могло явиться обобщеніе гр. Толстого касательно затрудненія, которое представляетъ супружеская жизнь личностямъ, посвятившимъ себя научному или другому какому труду. Изъ романа вывести этого нельзя. Въ Поздняшевѣ мы не нашли ничего человѣческаго; все человѣческое ему чуждо и потому труды разныя также. Допустимъ, что обобщеніе созрѣло у Толстого лично, независимо и помимо „Крейцеровой сонаты“, а къ слову пришлось его сказать и онъ сказалъ. Тогда факты противорѣчатъ тому, что онъ говорить. Далеко ходить не будемъ, возьмемъ самого графа. Мы зачитываемся до самозабвенія его бессмертными, славными твореніями—„Войною и миромъ“ и „Анной Карениной“, мы видимъ въ нихъ массу положенного труда, много опыта и знанія жизни, а онъ далъ намъ ихъ, какъ помнится, уже обзаведясь семьею.

Жизнь вообще представляетъ намъ гибель фактовъ, позволяющихъ сдѣлать противное обобщеніе, т.-е. что семейная жизнь, семейная обстановка не затрудняетъ, а облегчаетъ достиженіе тѣхъ цѣлей, которыхъ гр. Толстой считаетъ *единственными разумными*.

Мы видимъ, что читатель невольно поражается странностью и несомнѣнною абсурднотью новой философіи гр. Льва Толстого.

Какихъ-нибудь три-четыре года тому назадъ мы слышали отъ него прямо-противоположное всему этому. Онъ, впрочемъ, и самъ сознается, что эти мысли его противорѣчать его прежнимъ думамъ и убѣжденіямъ. Это сознаніе мы принимали въ разсчетъ при разборѣ его выводовъ и тщательно избѣгали говорить о прежнихъ его убѣжденіяхъ.

Чѣмъ же, однако, объяснить такой крутой поворотъ въ этихъ убѣжденіяхъ? Другого объясненія такому странному явлению не находимъ кромѣ желанія смерти существующему человѣчеству. Это желаніе и есть та точка, съ которой Левъ Толстой началъ писать картину безобразій нашей жизни, это желаніе есть духъ его новой доктрины. Съ центральной точки своей доктрины объ уничтоженіи рода человѣческаго нашъ писатель пустилъ во все концы ея электрическіе токи. Что это такъ, это мы видимъ изъ того, что вся его новая философія съ ногъ до головы проникнута самымъ страшнымъ аскетизмомъ: ученіемъ о самоубійствѣ всего человѣчества. Желаніе это естественно и понятно. Слишкомъ ужъ сильно поражаетъ гр. Толстого зло, которое онъ замѣчаетъ въ нашей жизни, въ нашихъ дѣйствіяхъ, поступкахъ, нравахъ, отношеніяхъ, слишкомъ уже чувствительны его нервы къ безобразію нашей жизни, къ безцѣльности нашего существованія. И вотъ, насладивъ свои больные нервы глазъ созерцаніемъ этой нашей жизни, онъ кромѣ смерти ничего не могъ пожелать намъ. Ею, этою смертью, онъ надѣялся еще исправить, поднять насъ, показавъ ее неприкрытою, во всемъ ея страшномъ величіи, но забывъ другое—религию. Ученіе гр. Толстого о смерти противно ученію нашей христіанской религії. Оно основывается на томъ, будто бы уничтоженіе рода человѣческаго и ученіе Христа о кончинѣ міра одно и то же. Но это не такъ. Спаситель не проповѣдывалъ смерти, а училъ о жизни; человѣкъ, по ученію Его, созданъ для вѣчной жизни. Истинаю безсмертія человѣка, истинаю вѣчной жизни его проникнуто всецѣло наше вѣроученіе; истина эта очевидна и несомнѣнна для вѣрующаго, она видна бы была и въ томъ случаѣ, еслибы не излагалась прямо, какъ особый догматъ. А догматъ христіанской религії не въ уничтоженіи міра, а въ преобразованіи его. Когда къ божественному Учителю приступили нѣкоторые изъ іудеевъ и стали утверждать,

подобно гр. Толстому, что нѣтъ воскресенія, нѣтъ ни вѣчной жизни, ни бессмертія, думая поставить Его въ затрудненіе, Христосъ сказаъ имъ въ отвѣтъ: „а о воскресеніи мертвыхъ не читали ли вы реченнаго вамъ Богомъ: Я Богъ Авраама и Богъ Исаака, и Богъ Іакова? Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ“. (Мате. 22, 31, 32).

Всѣ эти разсужденія приводятъ насъ къ тому непреложному заключенію, что новое ученіе гр. Толстого въ своихъ существенныхъ выводахъ не только противорѣчить всему строю нашей жизни, но противорѣчить и всей нашей религіи, что это новое ученіе несогласно ни съ прогрессомъ человѣчества, ни съ развитиемъ личности, ведетъ не къ жизни, а къ смерти, что оно противно голосу общечеловѣческаго чувства, не оправдывается совѣствомъ каждого.
